

МАТРИЦА

АННА

Кто-то
должен
умереть

РУССКИЙ
ХИТ

Анна Малышева

Кто-то должен умереть

«АСТ»

2004

Малышева А. В.

Кто-то должен умереть / А. В. Малышева — «АСТ», 2004

В кафе неожиданно кончает с собой молодая женщина. Она оставляет загадочную записку. Ее спутник незаметно исчезает. Выясняется, что погиб и муж самоубийцы, а два предыдущих супруга бесследно пропали. И дело бы осталось нераскрытым, если бы не Настя – возлюбленная последнего мужа этой «черной вдовы». Она берется за дело самостоятельно. И если бы не собака спаниель, который некогда явился в кафе и остался в нем кого-то ждать, неизвестно, чем бы кончилось дело...

© Малышева А. В., 2004

© АСТ, 2004

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	16
Глава 3	26
Глава 4	35
Глава 5	45
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Анна Малышева

Кто-то должен умереть

Охраняется законом РФ об авторском праве. Воспроизведение всей книги или любой ее части воспрещается без письменного разрешения издателя. Любые попытки нарушения закона будут преследоваться в судебном порядке.

В этом небольшом кафе, как и во всех прочих заведениях подобного рода, посетители делились на три категории. Первые ходили постоянно, поскольку работали в окрестных офисах. Здесь наскоро обедали, «заморивали червячка» после работы, выпивали кружку пива, флиртовали... Вторые заходили случайно, обедали и никогда больше не появлялись – не потому, что качество обеда было низким, а потому, что в другой раз им было не по пути... И были третьи – те, едва взглянув на интерьер, как-то криво морщились и исчезали прежде, чем официантка успевала приветливо улыбнуться.

Интерьер в кафе выглядел убого, цены держались на среднем уровне, а вот готовили здесь отлично. Все в целом производило неопределенное впечатление, и посетители вечно сомневались – то ли ходить сюда постоянно, то ли забыть дорогу... Выкрашенные в коричневый цвет стены, скромная стойка в углу, невзрачные пожилые официантки, от которых сально пахло кухней, туалет с обсыпавшейся кафельной плиткой. И огромные порции, со знанием дела приготовленное мясо, хороший выбор напитков... Во всяком случае постоянные клиенты здесь не переводились.

Глава 1

И в тот майский вечер их было не меньше, чем всегда. Неторопливая, сонно улыбающаяся барменша сразу узнавала старых знакомцев, и ей не нужно было напоминать о том, что подать к столу. Она лениво цедила пиво, снимала с полки бутылки, разливала напитки почти не глядя, с профессиональной ловкостью – высоко подняв локоть, твердо держа кисть над мерным стаканчиком. Попутно женщина отмечала новичков. Вот эта парочка тут впервые – озираются, неуверенно читают меню. Одинокий мужчина заказал кофе. У его ног приютился спаниель – неотъемлемый атрибут кафе. И это немного волновало мужчину – он изредка отдергивал ногу в пыльном ботинке и опасливо глядел под стол. Спаниель внимательно взирал на него карими глазами, дружелюбно улыбался и в конце концов уютно улегся на пол, положив лобастую голову на передние лапы.

Кому принадлежала эта собака – никто не знал. Она появилась тут пару лет назад, и до самого вечера весь персонал думал, что спаниель пришел с кем-то из посетителей. Строгостей на этот счет в кафе не заводили, так что сперва на одинокую собаку не обратили внимания. И только когда стали закрываться и в зале не осталось ни единого клиента, официантки обнаружили пса под одним из столиков. Тот сидел и со своей обычной улыбкой оглядывал удивленных женщин.

- Его забыли?
- Бросили?
- Ты чей, котик?

Последнее замечание было более чем глупо, так как существо под столом ни в коей мере на кота не походило, но почему-то именно эти слова и проняли пса до глубины души. Спаниель взвизгнул и бросился в ноги барменше, облизывая ее щиколотки, обтянутые чулками. Та сперва испугалась, потом умилилась:

- Бросили тебя, бедного... А это мальчик или девочка?

Произвели экспертизу и установили, что пес – несомненный кобель. Собака на удивление кротко позволила себя осмотреть, ко всем приласкалась и покорила сердца усталых официанток. На псе был коричневый ошейник из поддельной кожи. Барменша высказала веское мнение – владельцы собак часто указывают свои координаты на обратной стороне ошейника на случай утери пса. Надо снять и посмотреть...

Но пес, неожиданно возмутившись, отпрянул в угол. Его пытались прикормить – он отворачивался от мяса. Хотели приласкать – жался к стене. И только когда ошейник оставили в покое, снова превратился в добродушную, ласковую собаку.

Спаниель так и остался в кафе. В первую ночь его общими усилиями выставили на улицу, но когда пришли открывать – он был тут как тут: ласково смотрел на всех глубокими доверчивыми глазами и как будто улыбался. Когда открылась дверь, немедленно вошел и занял то же самое место под столом. Его покормили, он поел – деликатно, не торопясь, из чего сделали вывод: это воспитанная собака, не бродячая попрошайка. Еще раз попытались снять ошейник, но пес оскалился, и барменша отпрянула:

- Черт с тобой! Жди хозяина, раз так! Ну люди, ну люди! Бросили и ушли!

Официантки пытались вспомнить, кто мог оставить пса, кто сидел за столиком, к которому так привязался спаниель, – но не смогли. Вечером его покормили еще раз, на улицу спаниель вышел сам и добродушно, без тени обиды глядел, как запирают двери.

Третью ночь он провел уже в кафе. За него вступились все – и официантки, и барменша, которая лично выгуляла его в соседнем скверике, чтобы «чего не случилось». Несмотря на отсутствие поводка, пес чинно шел рядом с ней, держа определенную дистанцию, как будто поводок все-таки существовал – только в его воображении. Сделал дело, поел какой-то травки

и бодро потрусил обратно. Наутро никаких безобразий не обнаружили и снова восхитились воспитанной собакой.

– Я ее заберу! – решила барменша. – Будет детям игрушка.

Но пес не дался. Он бодро дошел с женщиной до конца сквера, потом, уже менее охотно, пересек дорогу и вдруг остановился – ни туда, ни сюда.

– Котик, – звала его женщина. Эта кличка так и прицепилась к нему с первого вечера. – Идем, ну?

Пес неодобрительно посмотрел в сторону и вдруг, развернувшись, побежал обратно к кафе. Сел у запертых на ночь дверей, и по его морде было видно – он намеревался провести тут всю ночь. Барменша догнала его и развела руками:

– Забастовку устроил?! Своей выгоды не понимаешь! Ну и живи как хочешь!

И в дальнейшем пес в самом деле жил как хотел. Мало-помалу он навязал всему персоналу свои собственные правила. Например, ночевал в кафе. Утром получал тарелку молока, в обед – миску мясных огрызков, вечером – ничего, потому что уборщица все-таки не доверяла терпению собаки и не разрешала кормить его на сон грядущий. Днем спаниель слонялся по кафе, спал за стойкой, изредка выходил на улицу по своим делам, но немедленно возвращался. В дождливые дни гулял и вовсе редко – пес был невероятно чистоплотен, его шелковистая шерсть всегда выглядела ухоженной. Кличка «Котик» устраивала его, как и любое другое обращение. Было ясно, что пес реагирует не на слово, а на интонацию. Его настоящее прозвище так и не удалось установить, так как ошейник он упорно защищал. Наконец, барменша, больше всех с ним возившаяся, махнула рукой:

– Да может, там ничего и нет. Только собаку зря мучаем!

Котика полюбили все. Даже хозяин кафе, про которого одна из официанток говорила: «Такой на лес глянет – лес повянет!», к нему привязался. Иногда, выйдя в зал, давал собаке кусок сахара. Котик принимал сахар с очень церемонным видом, как дипломат на приеме, будто подчеркивая, что сознает дистанцию между собой и таким важным человеком... Хозяину это нравилось. Правда, он не видел, что после его ухода ненавидевший сладкое Котик деликатно выплевывал в угол полурастаявший кусок рафинада.

К посетителям Котик не лез, никогда ничего не просил. Кажется, просить он не умел вообще. И если кто-то от своих щедрот подавал ему какой-нибудь обжор, пес вежливо все съедал и отворачивался. На его породистой морде было написано: «Хорошо, я съем, только чтобы вас не обидеть, вы же постоянный клиент. Но лучше бы вы этого не делали...» Иногда его гладили, чесали за ухом, вступали в бессмысленные разговоры, с какими подпившие люди вообще склонны приставать к детям и животным. «Ты чей такой хорошенький, а? Ну, чего смотришь?» И Котик, покорно терпевший пьяные ласки, отвечал ясным трезвым взглядом карих глаз: «Хватит вам. Ну ей-богу! Шли бы домой».

Барменша давно заметила, что иных посетителей собака упорно избегала. Никогда Котик не сядет рядом с тем-то мужчиной, никогда – с той-то шумной парочкой. Зато неизменно подойдет к молодой девушке, работавшей в соседнем магазине и забежавшей выпить чашку кофе, окажет внимание компании мелких менеджеров из телефонной компании... И уж конечно не из-за подачек. Сегодня у него появился новый объект симпатии – одинокий мужчина за угловым столом. Мужчина явно этому не рад и все время отдергивает ноги, будто боится, что собака укусит. Но чтобы Котик кого-то укусил? Чтобы подал голос?

В кафе наступило затишье. Все сидели за столиками и ели. Под потолком расплывался табачный дым и гул голосов. Барменше внезапно пришло в голову, что в самом деле никто еще не слышал голоса приبلудного спаниеля. «Хотя бы твякнул, что ли, – подумала она, проверяя наличие чистых бокалов, предчувствуя своим опытным барменским сердцем, что вскоре поступит заказ на большую партию пива. – А все-таки хорошо, что я не взяла его домой. Чужая собака, неизвестно еще, что с ней...»

И вдруг, будто в ответ на ее мысли, пес вскочил с пола и взвыл. Посетители вздрогнули, официантка, несущая поднос, резко обернулась.

– Что с тобой? – испугалась барменша. – Ну-ка, иди сюда!

В первый момент она подумала, что псу отдавили лапу – такое бывало. Но ведь раньше Котик терпеливо сносил подобные превратности судьбы. Тут было иное – собака, будто взбесившись, металась под столом и выла – так выразительно, будто пыталась заменить своим атональным воплем не положенную ей от природы человеческую речь.

– Да иди же ты!

Котик метнулся под стойку и замер, будто умер. Барменша растерянно поглядела на него, перевела взгляд на посетителей. Все казались встревоженными, только парочка, тихо читавшая меню, как будто ни на что не обратила внимания. Женщина за столиком подняла палец, призывая официантку. Та подошла. Несколько слов, пара кивков – и заказ был сделан.

– Ты с ума сошел, – ворчала барменша, разливая пиво. Обращалась она к собаке, сжавшейся под прилавком в комок. – Очумел?

Но Котик не отвечал. Он даже не поднял ласковых, всегда разумных глаз, а лежал, как будто пытался скрыться от всего мира, свернувшись в клубок. Барменше стало не по себе. Она, как все люди ее профессии, повидала многое. Вдребезги пьяных людей. Слезы. Откровения, которые выплескивались на столики вместе с пролитым пивом. Драки, которые, к счастью, оканчивались приездом милиции. Да что там! Но чтобы Котик завыл...

Парочка заказала два салата, зелень, шашлык из курицы, бутылку сухого красного вина и минеральную воду. Сперва подали воду и вино, потом зелень, далее салаты... Шашлык готовился на кухне. И все было хорошо, все шло по порядку, не считая странной позы Котика, который упорно не выходил из-за стойки. Барменша тряхнула ногой, скинув разношенную туфлю, погладила собаку босыми пальцами. Та лежала как мертвая.

«А вдруг умер? – подумала женщина. – Вот был бы номер! Собака в кафе сдохла! И без того его прячем от санэпиднадзора!»

Однако вместе с этой резкой, практичной мыслью пришло и другое. Сожаление? Страх, передавшийся с необъяснимым воем пса? Если умер – что делать? Куда его тащить? Где хоронить?

Но тут Котик поднял голову и искоса взглянул на нее. Барменша успокоилась.

«Старый, наверное, стал, а старики все с причудами, что люди, что псы! Мы же ничего о нем не знаем».

Удостоверившись, что пес жив, она принялась наблюдать за парочкой у окна. В основном за мужчиной – тот был в ее вкусе. Неправильное, но обаятельное лицо, синеватая тень щетины на смуглых щеках, коротко подстриженные черные волосы. Он играл вилкой, но почему-то не ел. Это удивляло барменшу – она давно усвоила, что мужчины начинают есть немедленно и уничтожают закуски до того, как подали основное блюдо, а после томятся. «Шашлыка хочет, – догадалась она. – Ничего, подождет. Полчаса как минимум!»

Мужчина положил вилку на скатерть и отвернулся к окну. Еще не стемнело, жалюзи не опустили, и снаружи были видны силуэты прохожих. Сиреневые майские сумерки – такими они бывают лишь в Москве – постепенно гасили цвета, и только габаритные огни проезжавших мимо кафе машин становились все ярче. Барменша подумала о том, что надо бы приоткрыть окно – в зале душно, а на улице такой чудесный вечер... Взглянула на часы – сегодня засидятся до одиннадцати как минимум... В такие вечера сидят долго. Хорошо для выручки, плохо для семьи барменши, которую тоже нужно кормить и обслуживать. Но ее досада была мимолетной – в такой вечер расстраиваться трудно. Она подосадовала лишь на то, что до сих пор не вынесли на улицу столики с тентами – давно пора, погода позволяет. Тогда в зале будет почти пусто и она не будет так задыхаться от табачного дыма – к вечеру под потолком гуляют сизые облака...

Мужчина взял вилку, подозрительно ковырнул салат и отодвинул от себя тарелку. Барменша сдвинула брови: «Это еще что? Да ты сперва попробуй!» Спутница заинтересованного ее клиента тоже взглянула на стол и отвернулась к окну. «И чего пришли? – недоумевала женщина за стойкой. – Не едят, не пьют, не разговаривают... Сидят как чужие. Наверное, поссорились. Любовники – точно!»

Как правило, она никогда в таких вещах не ошибалась – даже с первого взгляда. Когда клиент становился постоянным, о нем неизбежно узнавали больше. Завязывались доверительные отношения с персоналом. Делились подробностями о бизнесе, семейном положении, здоровье. Но Рая – так звали барменшу – не нуждалась в длительном контакте, чтобы вынести свой вердикт, особенно если дело касалось парочек. Эти вот – сослуживцы, «она» ему нравится, «он» ей – нет, зато «он» платит за обед, потому «она» с ним и ходит. «Морочит голову парню!» – решала Рая и попадала в точку! А эти двое – студенты, заказывают только пиво, изредко орешки, сидят часами и флиртуют, иногда слишком повышают голос, отчаянно курят и никак не могут решить – сходиться им или нет? Так и оказывалось. Вот за тем столиком служебный роман, а за тем – любовный треугольник. Была среди постоянных посетителей и семейная пара – законные муж и жена, что очень поражало барменшу. Втайне она им завидовала – это как же надо относиться друг к другу, чтобы после восьми лет семейной жизни все еще ходить вместе в кафе, смотреть друг другу в глаза, смеяться, тратить деньги на обед, который дома, конечно, обошелся бы в три раза дешевле?!

А что сказать об этих двоих у окна? Ну, мужчина хоть куда, а вот женщина... Не поймешь – то ли нервная, то ли нездоровая? Очень бледное узкое лицо, небрежно растрепанные волосы, никакой косметики... И постоянно теребит, скручивая, угол скатерти, который уже превратился в жеваную тряпку. Барменша задумалась. «Любовники, – решила она наконец. – Он ее бросает. И понятно, почему – от такой красавицы радости немного».

Она снова проверила собаку ногой, пес тихонько заворчал. Раиса вздохнула. Если у собаки вконец испортится характер, в кафе ее не оставишь. Хозяин станет коситься, посетители будут недовольны. И куда его – на улицу? Пес не вынесет, умрет. Слишком деликатен, слишком непрактичен... Она не могла вообразить Котика, залезающего в помойку, – ее даже передернуло от этой возможной картины.

Из кухни вынесли шашлык, поставили перед парочкой. Рая сощурилась: «Уж теперь-то вас проймет!» Кафе славилось своими особыми маринадами – повар был грузин и пряностей не жалел, сам их где-то покупал или выписывал с родины. Мужчина действительно взял вилку и съел кусок мяса. Жевал с удовольствием, однако по-прежнему смотрел в окно. Женщина отодвинула стул и подошла к стойке.

– Где можно помыть руки?

Голос у нее был на удивление мелодичный. Казалось даже, что она нарочно выпевает слова, и это придавало ее выговору нечто манерное. Раиса указала на дальнюю белую дверь:

– Туалет там.

Дверь закрылась, послышался щелчок запираемого изнутри замка. Мужчина за столиком продолжал есть – теперь уже с явным удовольствием, как будто отсутствие подруги мигом добавило ему аппетита. Рая, глядя на него, с удовлетворением думала, что он придет сюда еще не раз. Да, кто-то гонится за красивым интерьером, кому-то зазорно пойти в такое кафе, как у них, но для настоящих гурманов самое главное – вкусная еда. А уж с этим здесь...

Котик неожиданно вскочил и, уставившись на барменшу, взвыл. Та отшатнулась:

– Тихо ты!

Пес не послушался и снова подал голос. «Да что ему нужно? – почти в панике думала женщина, лихорадочно соображая, как незаметнее убрать собаку из зала. – На кухню его! Нет, на улицу – пусть проветрится!»

Но как выгнать собаку? Поводка не было. Взять за ошейник и выставить – немислимо, пес не позволял прикоснуться к ошейнику. Идти сама собака не желала – это было ясно.

– Гулять! – зашипела барменша. – Иди гулять!

Она покинула пост и пошла к двери, надеясь, что пес последует за нею. Но, обернувшись, увидела, что спаниель и не думал выполнять обычный ритуал вечерней прогулки. Он занял позицию перед дверью туалета и продолжал стонать – иначе эти звуки назвать было невозможно. В них было что-то настолько пугающее, древнее, что все посетители разом перестали есть, пить и общаться. Теперь они не сводили глаз с собаки. Барменшу пробрал мороз, хотя из приоткрытой двери тянуло теплым ветром, а в самом кафе было душно.

«Ой, Котик, ты не взбесился ли?!» – обморочно подумала она.

И бросилась к двери туалета. Схватила собаку за ошейник – этот маневр удался впервые – и потащила прочь. Пес дико завыл, обнажая желтоватые зубы, и, с неожиданной силой вырвавшись, принялся скрести белую дверь когтями. Рая потрясенно выпрямилась.

– Что это такое! – пробормотала она, не решаясь вновь прикоснуться к собаке. – Ты и впрямь взбесился?!

Последнее слово оказалось роковым для вечерней выручки. Посетители один за другим принялись подниматься из-за столов и покидать кафе. Это было просто – здесь расплачивались сразу после сделанного заказа, – так что никто никого не останавливал. Официантки метались вокруг обезумевшего пса, пытаясь его утихомирить. Ему совали подачки, называли ласковыми именами, пытались гладить – бесполезно. Спаниель выл, задирая породистую морду, на которой прежде не было иного выражения, кроме дружелюбия и доброты. Но теперь – только страх, первобытный ужас.

Рая первая взяла ситуацию под контроль. Она одновременно схватила пса за холку и за спину и мощным рывком откинула от двери туалета. Котик, пролетев пару метров и будто придя от этого в себя, моментально спрятался под стойкой. А барменша принялась стучать в дверь:

– Послушайте! Что у вас там?!

В голове возникла пугающая мысль – женщина сидит в туалете больше десяти минут. Ненормально? Нет, почему же? Ведь женщины всегда проводят в таких местах больше времени, чем мужчины. Возможно, она там пудрится, красится, возможно, ей стало нехорошо... Но почему она не отреагировала на дикий вой под дверью? Испугалась? Да так, что и на человеческий голос не отвечает?

– Откройте дверь, пожалуйста, – сказала Рая непререкаемым тоном – тоном настоящей барменши, повидавшей на своем веку всякое. – Скажите, вам нехорошо?

«Почему нехорошо, с чего? – лихорадочно думала она, дожидаясь ответа и краем глаза отмечая почти опустевшие столики, появление хозяина, испуганные лица официанток. – Если бы перепилась – тогда ладно. Но она даже не прикасалась к вину!»

Она обернулась к сослуживцам:

– Кажется, там что-то случилось. Я сразу поняла, что с ней что-то не так. Бледная, как смерть, ничего не съела.

Хозяин – полный, желтолицый мужчина – властно постучался и строго попросил ответа. Когда ответа не последовало, велел позвать из подсобки Колю-грузчика и сломать дверь.

Ждали молча. Когда явился Коля – сутулый, тощий мужик с опухшим лицом – и вложил между створкой и косяком двери лезвие топора, которым рубили мясо, женщины отшатнулись.

– Н-ну? – недовольно спросил Коля безмолвную дверь. От косяка отвалилась щепка. Дверь открылась.

Женщина, так и не оценившая достоинств местной кухни, была мертва. Под потолком туалета, довольно высоким, проходила проржавевшая водопроводная труба. За эту трубу она перекинула свой длинный газовый шарф, для чего явно пришлось встать на края унитаза. Для

этого она сняла туфли – они стояли рядышком, на удивление аккуратно. Ее ноги в чулках не касались пола. Лицо было повернуто к стене, и только потому многим из официанток не снились кошмары – они не видели смертной гримасы, искажившей это непримечательное, бледное лицо.

Барменше кошмары снились. Во сне она часто видела эту парочку у окна, слышала вой Котика, звук крошащегося под топором дерева, крик подруг... Она никогда не думала, что смерть чужого человека может произвести подобное впечатление. Во всяком случае тогда она держала себя в руках. В тот момент у нее были вполне трезвые, рациональные мысли. С трудом оторвав взгляд от туфель на полу – почему-то эта деталь поразила ее сильнее всего, – она вдруг сообразила, что среди людей, собравшихся у двери, нет того, кого это происшествие должно касаться ближе всех. Рая обернулась, чтобы позвать спутника женщины, но увидела, что столик пуст. Стояли тарелки – полные и полупустые, ополовиненная бутылка вина. В пепельнице еще дымился окурок. А вот клиента не было.

* * *

В сумочке, сиротливо висевшей на спинке стула, были найдены кое-какие документы. Паспорт на имя Юлии Федоровны Чистяковой, 1970 года рождения, москвички, замужней, бездетной. Фотография полностью отражала внешность покойной – то же невыразительное, бледное лицо, неряшливо причесанные волосы. В него было вложено свидетельство о браке – документ довольно неожиданный, ибо кто его носит с собой каждый день? Юлия Федоровна была замужем за неким Рудниковым Николаем Константиновичем, родившимся на два года раньше нее, во Владивостоке. Брак был заключен три года назад.

Кроме того, в сумочке находились: пудреница, помада, ключи на связке, общим числом пять, щетка для волос, зубная щетка в нераспечатанной упаковке (что было отмечено особо), шоколадная конфета и проездной на метро, из которого осталось две неиспользованные поездки.

И еще записка. Собственно, запиской это было считать нельзя. Клочок линованной бумаги, вырванный откуда-то нервной, злой рукой. Ни даты, ни подписи, никаких объяснений случившемуся. Только несколько слов, которые всех озадачили.

«Кто-то должен умереть».

Благодаря тому что барменша неотлучно присутствовала при появлении милиции, сразу выяснилось, что клочок был оторван от копии счета, которую после расплаты за ужин положили на столик. Куски совпадали идеально. Барменша не могла вспомнить, чтобы женщина что-то писала, но в конце концов она ведь не все время наблюдала за парочкой...

Домой она шла нога за ногу, вороша в памяти все подробности минувшего вечера, внезапно обратившегося в кошмар. «Взять да повеситься, – думала Рая. – До чего нужно довести человека! А этот тип? Куда он делся? Когда сбежал? Котик начал выть, я сдуру брякнула, что собака взбесилась, люди побежали прочь... Ну а этот? Он же видел, что подружка заперлась в туалете. А пес был рядом, и если бы она вышла, сразу бы вцепился в нее... Если бешеный, конечно. Но Котик с ума не сошел, нет! Не такой это пес! Он предчувствовал! Клянусь – предчувствовал, понимал, что сейчас что-то случится, вот и подал голос! Этому красавчику надо бы встревожиться, а он сбежал вместе со всеми! Ну и проходимец... Можно сто раз поссориться, но нельзя же так бросать человека!»

И чем было ближе к дому, тем больше барменша чувствовала усталость и даже ненависть к людям, которых она многие годы поила, кормила, безропотно обслуживала и по-своему любила. Да, ей нравилась ее профессия, но если бы кто-то сказал ей, что наступит такой вечер и придут такие клиенты...

«А пес? – подумала она, уже подходя к подъезду – Рая жила неподалеку от кафе. – Заперли бедного – так из-под стойки и не вылез. Испереживался... До чего же умная собака! Если бы мне догадаться, что Котик воет к покойнику, мы бы сразу сломали дверь и, может быть, успели бы...»

Милиция еще раз наведлась в кафе, а потом все пошло по-прежнему. Или почти по-прежнему. Никто из клиентов, бывших тут в злополучный вечер, не видел ни взлома двери, ни труп, но слухи все равно разошлись, хотя хозяин отдал приказ держать язык за зубами. Рае пришлось вынести немало неприятных минут, рассказывая клиентам о том, что тут случилось. Лгать было глупо, потому что сюжет даже показали в какой-то криминальной хронике, и хотя название кафе не было упомянуто, постоянные клиенты узнали интерьер.

А в общем вскоре все утихло и вошло в обычное русло. Обеды и ужины, бесчисленные кружки пива и чашки кофе... О «той истеричке» почти никто не вспоминал. Спаниель вел себя тише воды ниже травы, голоса подавать не пытался, и было лишь одно изменение в его поведении – он совершенно перестал подходить к посетителям. Лежал под стойкой, рядом с ногами барменши, дремал, изредка приоткрывая глаза и уже безо всякого энтузиазма оглядывая окружающий мир. «Стоит ли вставать, если вокруг происходит такое?» – как будто сомневался он.

От представителей милиции Рая получила четкие указания – немедленно позвонить куда следует, если она вдруг углядит среди клиентов того смуглого мужчину, спутника погибшей. Она пообещала все исполнить и первые дни в самом деле ждала этого человека, нервничала, у нее все валилось из рук. Но ожидание затягивалось, и барменша мало-помалу начинала понимать: «тот» не придет. «Если бы хотел узнать, что с подругой, давно бы пришел. Нет, он возвращаться не собирается! Что такое вышло между ним и этой несчастной? Как он ее довел до петли? Записку-то она написала за столиком, на нашем счете, значит, и решение приняла прямо тут. Я даже точно знаю, когда – после того, как им принесли вино! Он сразу заплатил за весь заказ, и ему оставили копию счета. Что же случилось? Ведь они молчали, даже друг на друга не смотрели! Дело нечистое... Нет, он не придет».

* * *

Благодаря тому что при самоубийце были документы, дело пошло быстро. В тот же вечер наведались к ней домой. Она жила в центре, в одном из переулков возле Яузского бульвара. Дверь подъезда была оснащена кодовым замком, который, впрочем, можно было отпереть и при помощи магнитного ключа. Ключ был на связке, но представители власти все-таки набрали номер квартиры. Тут же откликнулся мужской голос. После недолгих расспросов дверь с жалобным писком открылась.

– Юля? Вы не шутите? – Пожилой мужчина явно не знал, на каком свете оказался. Он впустил нежданных гостей в темную прихожую, причем света не зажег, метнулся куда-то вглубь квартиры, вернулся, что-то уронил впотьмах...

– Кем вы приходите? Чистяковой?

– Отцом, – немедленно ответил тот и вдруг обрушился на табурет в углу, едва не повалившись вместе с ним на пол. – Мне что-то нехорошо...

Поговорить с ним удалось лишь через сорок минут. Все это время мужчина находился в таком состоянии, что у следователя являлась мысль вызвать «скорую». Но хозяин, которого уложили на постель, отвергал любую помощь и только закатывал глаза, будто единственным средством прийти в себя было для него созерцание довольно облезлого потолка.

Квартира оказалась мрачной, обширной, и было ясно, что ремонта в ней не было долгие годы. Повсюду в углах – протечки, паркет визжал, темные дубовые шашки подпрыгивали под ногами, а когда в ванной неожиданно раздался душераздирающий рев, следователь с неприятным подскоком. Но это оказалась водопроводная труба.

Собственно, дело было скорее экстравагантным, чем интересным. Имелся явный случай самоубийства, причем у женщины можно было предположить истерию. Самоубийца предположила привлечь к себе всеобщее внимание, наложив на себя руки в общественном месте. Имелась предсмертная записка, написанная в последние минуты жизни – о времени красноречиво свидетельствовал торговый счет. Обыск ее сумки не дал никаких интересных результатов – ни оружия, ни наркотиков. Впрочем, насчет наличия наркотиков и алкоголя в ее крови выводов еще сделано не было.

И в общем, дело гроша ломаного не стоило. По свидетельству барменши, женщина в последние минуты своей жизни очень нервничала и явно была в ссоре с кавалером. Но возникало несколько вопросов.

Кто был этот мужчина? Почему он так предусмотрительно скрылся из кафе, если не ожидал подобной развязки? Станным казалось и содержание короткой записки. Следователь прочел ее несколько раз, и сперва текст не показался ему необычным, но потом его кое-что насторожило.

«Кто-то должен умереть». Не «я должна», а именно «кто-то». Тут было что-то неясное, и это не нравилось ему больше всего.

Наконец хозяин пришел в себя. Он сам сходил в кухню, напился воды из-под крана, еще раз выслушал рассказ о том, как умерла дочь, спросил, где тело, как его забрать, и в дальнейшем держался с относительным самообладанием.

– А где муж вашей дочери? – задали ему вопрос. Первой версией насчет загадочного незнакомца в кафе была именно эта. Предполагаемый развод – иначе для чего самоубийца принесла с собой свидетельство о браке?

– Муж? – пробормотал тот. – Который?

– То есть?!

– Первый, второй или третий?

Следователь оторопел. С паспортом Юлии Федоровны он ознакомился самым подробным образом и обнаружил там всего одну запись о браке. Правда, паспорт был нового образца и выдали его всего несколько месяцев назад.

– Вот этот, – и он показал мужчине свидетельство о браке. Тот взглянул и отмахнулся:

– Не знаю. Я его видел-то несколько раз.

– А фотография его у вас есть?

– Нет, – как будто даже с обидой ответил тот. – Зачем он мне?

– Но... – Следователь слегка растерялся. И эта квартира, и этот человек начинали производить на него неоднозначное впечатление. Казалось, все было так просто, сумрачно и буднично... И в то же время чего-то он не понимал – чем дальше, тем больше.

– А выглядел он, – продолжал припоминать хозяин, – вроде как вы. Среднего роста, плечистый, глаза серые... И бородка. Хотя я давно его не видел – может, он ее сбрил.

– Блондин, брюнет?

– Блондин!

Деталь не совпадала с описанием барменши, но внимания на это обращать не стоило. Цвета глаз барменша припомнить не могла – мужчина сидел слишком далеко от стойки. Но зато отлично помнила проступившую синеватую щетину на щеках – а это исключало то, что мужчина был перекрашенным блондином.

– Он курил?

– Что? – растерялся хозяин. – Да... Нет... Не помню! Почему вы спрашиваете?

– Вы что же – совсем с ним не познакомились, с зятем?

Тот отмахнулся:

– Очень нужно! Ее дела – это ее дела, а меня это не касается. Если хотите – посмотрите: вот тут она жила.

– А где жил ее муж? Не с нею?

– Понятия не имею, где он обитал. Поженились, Юля познакомила его со мной – и делу конец. Говорю – он тут был раза три. В последние годы вроде бы они не виделись.

– Собирались разводиться?

– А кто их знает! Я не спрашивал – какое мне дело! Третий раз замуж вышла, так что мне переживать? Может, вышла бы и в четвертый...

Мужчина говорил все с большим раздражением и, казалось, без особой любви к погибшей дочери. Было видно, что настойчивые вопросы следователя подняли с его души всю осевшую на дне муть, все обиды и неприятные воспоминания.

– Вот, сами ищите, что хотите! – он настежь распахнул дверь в конце коридора. За нею обнаружилась большая комната в два окна. Следователь только мотнул головой – вся его квартира, где он обитал с женой и маленькой дочкой, была такого же размера.

Эта комната как будто попала сюда из другой квартиры – контраст был очень велик. Вместо запотевших, линялых обоев – нежная пастельная краска. Евроокна, блестящий пол из ламината. Мебели немного, но вся стильная: огромная низкая кровать под ярким синим покрывалом, несколько стульчиков из хромированной стали, в углу компьютер, под самым потолком на подставке привинчен телевизор. На полу у окна – огромная, и недешевая, драцена. Следователь моментально оценил растение, поскольку жена все просила купить драцену, а он все отговаривал ее: займет много места, дорого, и вообще – зачем? Она же настаивала. Но это растение, уходящее тремя раскидистыми кронами в потолок, было куда внушительней того, которое присмотрела в магазине его супруга.

– Сделала все, как в дешевом телесериале, – неожиданно заявил за его спиной осиротевший отец.

– Что?! – очнулся следователь.

– Все по моде. Своего-то вкуса нет. Не было, – поправился он. – Ей главное было – чтобы не хуже, чем у других.

Он говорил с неприязнью, как будто его оскорблял контраст нарядной, дорого обставленной комнаты с остальной частью квартиры, где обитал он сам.

– Ваша дочь жила здесь одна?

– Да.

– Но к ней кто-нибудь приходил в гости? Мужчины, подруги?

Отец покачал головой:

– Я в ее дела давно не вмешивался. В последние дни мы даже не разговаривали, поссорились.

– Из-за чего?

– А вам и это надо знать? – довольно язвительно переспросил тот. – Из-за денег. Отцу родному жалко лишний рубль дать, а другим – пожалуйста. Нет, мне уже ничего не надо, ее-то, дуру, было жалко. На что тратится? В холодильнике пусто, сама ходит как чумичка, хоть бы оделась прилично. Я ей сказал: «Будешь дальше так себя вести – никогда нормально замуж не выйдешь, так и будут тебя бросать. А ты не маленькая, тебе тридцать три года. Пора о будущем подумать!»

– А на что же она тратила деньги? Где работала? – спросил следователь, снова оценивая интерьер.

– То здесь, то там. Вечно у нее было так! Найдет хорошую работу, а через два месяца говорит: не сложились отношения с коллективом, ухожу. А тратилась на пустяки. Думаю, на мужиков, – резко заметил отец. – Все никак не могла так замуж выйти, чтобы раз и навсегда. Внешность у нее была не то, чтобы...

Следователь безмолвно согласился.

– Ну, она и думала их деньгами увлечь. Дура – нет?!

– И все-таки подумайте, может, был среди ее знакомых...

Но когда хозяин квартиры услышал описание внешности того мужчины, что был с Юлией Федоровной в последние минуты, он только развел руками. И сказал, что все может быть – ведь его дочь, как на грех, умудрялась выбирать в спутники жизни привлекательных мужчин, хотя не стоило бы ей этого делать. Добавил также, что, по его мнению, все зарились не на дочь, а на ее квартиру – слепому ясно, поскольку все три мужа, как на подбор, были иногородние.

– И она всех сразу прописывала. Потом, когда разводилась, правда, выписывала, проблем не возникало... Но я все равно волновался – ведь так можно и на улице остаться! Нет, грех жаловаться – кое-какие мозги у нее были. Вот счастья не было.

И вдруг, совершенно неожиданно, мужчина заплакал. Это настолько не вязалось с его последними, холодными и даже циничными высказываниями о родном детище, что следователь растерялся. А потом подумал, что, вероятно, истерия в этой семье – наследственная, и еще – драцену он жене не купит, как бы та ни просила. Потому что ни одна драцена еще никому счастья не принесла.

Глава 2

Расследование двинулось по двум направлениям. Главным образом пытались выяснить личность смуглого брюнета, так загадочно (и главное, своевременно) исчезнувшего из кафе, а также найти последнего мужа покойной, поскольку та почему-то захватила с собой свидетельство о браке. Никто не знал, являлись ли эти мужчины одним и тем же человеком и для чего блондину с бородкой нужно было бы маскироваться под брюнета с щетиной, но все-таки поиски шли.

Для обнаружения брюнета решили обследовать сослуживцев покойной, и обнаружилась странная вещь. В вещах Юлии Федоровны, среди прочих бумаг, обнаружили и трудовую книжку. Единственная запись в ней свидетельствовала лишь о том, что она окончила гуманитарный вуз. Запись была сделана одиннадцать лет назад. Далее – пробел. Это не согласовывалось со свидетельством ее отца, который уверял, что дочь периодически устраивалась на работу. Обратились в местную налоговую инспекцию. У Юлии Федоровны Чистяковой не оказалось даже ИНН. Следовательно, женщина налогов государству не платила и вернее всего нигде не работала. Во всяком случае не работала легально.

То был первый тупик. Второй оказался намного загадочней.

Сперва все шло очень гладко. В местном ЗАГСе и паспортном столе Рудников Николай Константинович был известен. Узнали его паспортные данные, получили ксерокопию фото. Внешность совпадала с той, которую описал отец покойной. Рудников до сих пор был прописан на жилплощади жены и не выказывал никаких письменных намерений оттуда исчезнуть.

И все-таки исчез. О нем было практически ничего неизвестно, кроме места прописки да адреса, с которого он убыл в Москву. Связались с Владивостоком...

И в последних числах мая получили ответ. Следователь, который вел дело, даже не рассчитывал на подобную расторопность и морально был готов к обычной рутине. Он занимался совсем иными делами, когда неожиданно узнал, что Рудников Николай Константинович, тридцати одного года от роду, выбывший из Владивостока три года назад и прописанный в Москве, был найден мертвым в родном городе две недели назад, с несколькими ножевыми ранениями в области живота, в районе вокзала. Он сошел с московского поезда – это было очевидно, поскольку при покойном имелся билет. На ограбление не указывало ничто. На покойнике сохранилось обручальное кольцо, часы, позолоченный крестик. Неподалеку обнаружился паке-тик с кедровыми орешками. А родня покойного, состоявшая из матери с бабушкой, клялась и божилась, что их Коля возвращался из Москвы с большой суммой денег, но как раз денег-то при нем обнаружено не было.

Таким образом, дело приобрело совершенно иной оборот. Погибла целая семья, причем один из супругов был убит и ограблен. Происхождение пропавших денег также оставалось загадкой, но недолго. Вскоре из Владивостока пришла еще одна информация. Оказалось, что покойный Рудников приблизительно за месяц до смерти продал принадлежавшие ему две японские иномарки – подержанные, но в хорошем состоянии. Об этом удалось узнать от его старого приятеля, также жившего во Владивостоке. Он-то и помогал найти покупателей и, узнав о смерти друга из криминальной хроники, тут же обратился в местные органы власти.

Также постепенно выяснялись отношения покойного с женой. Рудников три года назад действительно оказался по делам в Москве, там познакомился с молодой женщиной, завязал с нею тесные отношения, а вскоре и женился. Первое время он всерьез собирался остаться в Москве и завести там новое дело. Жена прописала его у себя. Когда он звонил родственникам или друзьям на родину, то всегда говорил, что отношения у него с Юлией отличные. Та даже как будто собиралась с ним во Владивосток – навестить новых родственников. В Москву, правда, молодые гостей не звали. Мать и бабушка Рудникова не обижались, тем более что были

очень рады этой свадьбе. Во-первых, парню было тогда уже двадцать восемь, а о женитьбе он все еще не думал. Во-вторых, жена-москвичка – это что-нибудь да значит. Они никогда не говорили с Юлией по телефону, не получали от нее ни писем, ни даже просто приписок в кратких посланиях Рудникова. Правда, сын выслал свадебное фото. Невеста, как сказали обе женщины, не показалась им красивой, но в конце концов счастье не во внешности.

Однако вскоре отношения супругов заметно ухудшились – это было ясно даже на расстоянии. Когда он звонил домой, то либо отзывался о жене сухо, то вообще не называл ее имени. Если спрашивали о ней – отшучивался, но как-то невесело, и быстро менял тему разговора. Мать и бабушка забеспокоились, но настаивать и расспрашивать из деликатности не стали. В конце концов сын сообщил, что едет домой.

Он ненадолго приехал, и тут уж его засыпали градом вопросов. Рудникову пришлось отвечать. Он признался, что они с Юлей не сошлись характерами, что она слишком жадная, требовательная, и он перестал понимать, что ей нужно от него и вообще от жизни. Он хотел детей – Юля наотрез в этом отказала, сославшись на свою занятость и сказав, что для младенца у нее времени нет. Жили они с молодой женой тоже как-то странно. Увидев обширную московскую квартиру в самом центре, Рудников, разумеется, мог предполагать, что жить они будут там. Он познакомился с отцом Юлии, даже выпил с ним в честь приятной встречи, но дальше дело не пошло. Он всего несколько раз переночевал у жены, причем та была явно недовольна. Она говорила, что вышла замуж не для того, чтобы остаться тут же, под крылышком у родителя, и велела снять квартиру. К тому времени Рудников уже нашел работу в автосервисе – руки у него были золотые, а устроиться помогли старые знакомые из Владивостока, давно обосновавшиеся в столице. Квартира была крохотной, неуютной, и жена не сделала ничего, чтобы привести ее в порядок. Сперва она жила с ним там, потом все чаще стала возвращаться в прежнее гнездо, к отцу. Муж возмущался, жена пожимала плечами.

– Он говорил, что жена постоянно требовала денег, – сообщила мать Рудникова. – Отказывала ему... Ну, в интимной близости... Коля даже развод ей предложил, но она сказала – зачем? И он не настаивал.

Судя по ее словам, в последнее время отношения супругов превратились в чистую формальность. И только совсем недавно сын, позвонив домой из Москвы, сообщил, что отношения опять налаживаются.

– Я так удивилась! Он же говорил, что у него появилась подруга, и тут вот опять...

Весной Рудников снова ненадолго вернулся во Владивосток. Жил у матери, но дома бывал очень редко – все где-то пропадал, устраивая некие дела. Мать ничего о них не знала. Наконец он сообщил, что опять едет в Москву, на этот раз все будет по-другому. Он сказал, что ему надоело жить между двух городов и двух огней (имея в виду жену и подругу) и он наконец решил прочно обосноваться в столице и сделать окончательный выбор. Улетел он на самолете.

– И вскоре опять звонок: «Мама, еду, не встречай!» – Женщина плакала. – Я спрашивала: что у вас там происходит? А он ответил: все кончено, в Москву больше не вернусь. И еще сказал так: «Ни о чем не беспокойся, на шею вам не сяду, везу с собой деньги».

Но денег, как отмечалось в отчете об освидетельствовании тела, при Рудникове так и не оказалось.

Хронология дела была достаточно прозрачна. Пятого мая, вечером, жена Рудникова по непонятным причинам покончила с собой в кафе. Самоубийство было бесспорным – дверь оказалась запертой изнутри, никаких следов насилия, множество свидетелей, никаких других выходов из санузла, предсмертная записка. Семнадцатого же мая, двенадцать дней спустя после гибели супруги, был убит Рудников. Убит и ограблен, если верить свидетельству его матери, что тот возвращался из столицы со значительной суммой денег. Что это могли быть за деньги и откуда он их взял? Возможно, это была немалая сумма, вырученная им от продажи двух машин. Но машины продавались во Владивостоке, так что деньги он явно отвез в

Москву... И почти тут же вернулся с ними обратно? Был ли Рудников в Москве в день смерти жены? Вероятно, да – судя по дате проданного ему железнодорожного билета.

Проводница поезда опознала Рудникова с легкостью – за тот немалый срок, когда пассажиры поезда «Москва – Владивосток» находятся в замкнутом пространстве вагона, все сживаются и начинают узнавать друг друга в лицо. Она даже вспомнила, на какой из станций покойный купил пакетик кедровых орешков – вместе покупали.

Проводница еще потому отлично запомнила Рудникова, что тот не имел с собой почти никаких вещей – пакет да барсетка. Еды тоже не взял – с самого начала пути питался чем придется, покупая местную снедь на станциях. Держался спокойно, часто заказывал чай. Не пил водки!

– Симпатичный, сдержанный, он мне понравился. Все бы пассажиры такие были!

Она моментально опознала фото Рудникова, а вот фоторобот брюнета, сделанный с помощью персонала кафе, отвергла:

– Такого в моем вагоне не ехало!

* * *

Место работы Рудникова удалось найти с легкостью. О нем отзывались отлично. Видимо, у парня в самом деле был недюжинный талант к механике. Он отличался хорошим, легким нравом, не пил, ни с кем не ссорился... Единственное, что было в нем неприятно для сослуживцев, – скрытность во всем, что касалось его личной жизни. С ним невозможно было пооткровенничать, он всегда держал некую дистанцию. Например, никто не знал о его жене. О подруге тоже бы не знали, если бы не видели ее. Двое независимых свидетелей описали ее как молодую симпатичную девушку лет двадцати с лишним, улыбчивую, модно одетую, коротко подстриженную. Она порой встречала Николая после работы.

– А имени он не называл.

Адреса квартиры, которую снимал Рудников, также пока найти не удалось. Тот никого не приглашал в гости, в паспорте значилось место последней прописки, а вместо домашнего телефона он везде указывал мобильный.

И что было примечательно – девушка, чью внешность все хорошо запомнили, еще раз явилась сюда в мае – уже после того, как Рудников уволился. Она выглядела растерянной, спрашивала о нем, но никто не смог ей помочь. С тех пор девушку не видели.

* * *

Поскольку все, что удалось узнать о Рудникове, мало прояснило дело, занялись Юлией Чистяковой. И то, что выяснилось при этом, окончательно всех озадачило. В местном ЗАГСе, где были зарегистрированы все три ее брака, запросили паспортные данные первых двух мужей, послали запросы на их прежние, провинциальные адреса, в надежде с ними пообщаться и получить какие-то сведения о покойной. Надежд на это было немного, однако полученные факты придали делу совершенно неожиданный оборот.

Ее первый муж, родом из Рязани, пропал без вести восемь назад. На родину он не вернулся. То же самое пять лет назад случилось и со вторым супругом Чистяковой, уроженцем Новгородской области. Все, что было о них известно, – что после развода оба выписались из квартиры, куда их по очереди так доверчиво прописывала некрасивая московская жена. Чистяков-старший, к которому немедленно обратились за разъяснениями, ответил, что, конечно, все это знает и даже в свое время давал какие-то показания. Но сейчас ничем не может помочь. Он даже не вспомнил их имен.

* * *

Девушка была одета в пеструю кофточку, джинсы с бахромой, от нее пахло остромодными духами. Ее темные волосы были острижены коротко и неровно – над этими «рванными» прядями не меньше часа трудился хороший парикмахер. Любой из работников автосервиса, где последнее время работал Рудников, узнал бы ее безоговорочно, даже несмотря на то, что теперь девушка перестала улыбаться. Перестала с того самого момента, как положила телефонную трубку. До этого улыбка всегда блуждала на ее лице, освещая и преображая его, делая миловидным, хотя красавицей девушку никак нельзя было назвать. Неправильные черты, чуть длинноватый нос... «Глаза и улыбка – вот что в тебе лучше всего,» – так всегда говорил ей Николай.

– Как же так? – спросила Настя неизвестно у кого, поскольку в квартире находилась она одна.

Звонок дался ей с большим трудом. Она знала этот номер давно, но никогда его не набирала. Да и узнала случайно – как-то муж (так Настя его называла, несмотря на то что знала: он женат) при ней позвонил родственникам во Владивосток. Настя из обыкновенного любопытства спросила – куда он звонит, Николай ответил... Но неохотно, очень неохотно. А потом, будто в сердцах, нацарапал цифры на клочке бумаги, чем очень обидел Настю. Она пыталась объяснить, что это не ревность, она вовсе не пытается его контролировать, что номер его матери ей не нужен, она ему верит... Клочок бумаги долго валялся на холодильнике, пока Настя, прибираясь, не обнаружила его и не переписала номер в свою записную книжку. На всякий случай.

* * *

То было уличное знакомство – банальное и довольно нелепое. Прошлой осенью, по дороге с работы, Настя покупала с лотка апельсины. У нее была старая и, возможно, досадная привычка – осматривать каждый фрукт со всех сторон. Был час пик – сзади нарастала очередь. Кто-то начинал возмущаться, но девушка, уже ненавидя саму себя, все равно перебирала фрукты, отыскивая изъяны...

– Да быстрее уже!

– Сколько можно!

– Ну, девушка! Они же все одинаковые!

Последний голос был мужской и прозвучал прямо у нее за спиной. Настя бросила через плечо что-то неразборчивое, торопливо уплатила деньги и пошла дальше.

– Девушка?

Голос был тот же самый. Настя развернулась и увидела светловолосого коренастого мужчину с небольшой бородкой. Он протягивал ей какой-то пакетик, и в первый момент она подумала, что забыла покупку на прилавке – такое случалось. Но тут же рассмотрела в пакете то, чего и не думала покупать, – ананас. Серо-зеленые листья уже успели продрать тонкий полосатый целлофан.

– Это что? – спросила она – то ли недоуменно, то ли гневно.

– Это вам.

Настя хотела было ответить, что никаких подарков от незнакомых людей не берет, что и сама могла бы купить ананас, она не нищая и вообще – не любит ананасы! Последнее было бы ложью. Но вместо этой достойной речи она выдавила из себя только изумленное «спасибо».

– Возьмите, – мужчина почти насильно вручил ей подарок. Она взяла.

– Зачем же вы?.. – спросила Настя спустя минуту. Все это время он шел рядом с ней, изредка касаясь локтем ее руки.

– Захотелось сделать вам приятное, ну а раз цветов там не было, то я и купил, что подвернулось.

– Не понимаю, – тихо ответила она, хотя, конечно же, все понимала.

* * *

Опыт общения с мужчинами у Насти был куда больший, чем можно было предположить, судя по ее возрасту. В свои двадцать три года она уже почти не могла припомнить, сколько раз встречала «большую любовь». Иронии в этих словах не было – Настя в самом деле каждый раз влюблялась, и влюблялась до того искренне, горячо, что немедленно извещала об этом всех подруг, объявляла родителям, что теперь-то уж – это ОН САМЫЙ! Подруги ругали ее за неразборчивость, родители намекали, что она ведет себя неблагоразумно... Но только намекали. В ее семье вообще царил хаос, и никто никому нотаций не читал. Мать больше всего интересовалась дачей, отец – своим хобби, составлением кроссвордов. Однажды, отослав кроссворд на телевидение, он даже принял участие в передаче. Правда, ничего не выиграл, но его выступление было записано матерью на видеокассету, и он иногда с удовольствием ее просматривал. Помимо всего прочего, родители, люди еще нестарые, работали и воспитывали подрастающее поколение – девятилетнего брата Насти. Тот был поздним ребенком, и как со всеми такими детьми, с ним возились больше обычного. Дочь считалась «уже» большой, так что в ее сердечные дела никто не вникал.

А Настя вовсе не кривила душой, когда заявляла, что в очередной раз влюблена. Первый парень появился у нее в пятнадцать лет, и чем же ей было считать это чувство, как не любовью? Потом он исчез, на его место пришел другой – и повторилось то же самое. И с третьим то же...

Настя не понимала одного: если все это было – любовь, тогда почему она так быстро и как правило, нехорошо кончалась? Почему ей говорили неприятные слова, зачем бросали? Ведь она ЛЮБИЛА! Некому было объяснить ей, что это было не что иное, как обыкновенное жульничество, причем обоюдное. То, что она считала любовью, было всего лишь податливостью – с одной стороны и неразборчивостью – с другой. Мама каждый раз говорила «ну дай бог» и напоминала о том, что сейчас очень опасное время. Связи дочери, о которых она знала, обо всех до единой, ее не волновали, а вот произнести слово «презерватив» женщина почему-то стеснялась.

...Как следует рассмотрев мужчину, так внезапно подарившего ананас, Настя вынесла про себя вердикт: «Старый, но симпатичный». Всех мужчин за двадцать пять она считала стариками и предпочитала мальчиков моложе себя.

«Старик» не отставал. Разговор завязался немедленно, вскоре они были на «ты». Она узнала, что нового знакомого зовут Николай, он работает в автосервисе, и главное – что ему очень одиноко. Он, в свою очередь, выяснил ее имя, а также то, что Настя в данное время работает секретарем в одной фирме и что хотя ей там нравится, но она все равно мечтает о чем-то другом... О более интересном! К слову, места работы Настя меняла так же часто, как и парней. О своем одиночестве девушка ничего не сказала. Возможно, дело было в том, что после последнего разрыва она твердо решила: следующий мужчина будет ее мужем. Хватит глупостей! Настя уже начала подозревать, что ее жизнь складывается как-то неправильно, заметила, что на нее начинают косо поглядывать подруги и как-то уж слишком небрежно, фамильярно разговаривать знакомые мужчины, большей частью – женатые.

И потому Настя теперь держалась очень сухо и холодно. Ананас ананасом, а любовь – дело иное. Она горько усмехнулась, подумав, что в былые времена (это означало – месяца два назад) купилась бы на подобный знак внимания.

- В чем дело? – удивился Николай.
- Ни в чем. Мне в магазин...
- Я с тобой.

Он купил бутылку вина, печенье, мороженые котлеты. Настя искоса следила за ним, приобретая батон хлеба и газированную воду. Нравился ли он ей, этот блондин с такими добрыми серыми глазами? Они смотрели просто и прямо, а это уже было хорошо. И потом, мороженые котлеты... Девушка уже накопила некий житейский опыт и сразу поняла: он действительно одинок. А если и есть какая-то подружка, или пусть даже жена, – то хозяйка она плохая. Хорошая не станет есть ничего подобного и мужа не заставит...

– А теперь куда? – спросил он ее, нагнав у выхода. Настя пожала плечами:

– А что?

– Я хотел пригласить тебя на ужин, – и Николай выразительно покачал тяжелым пакетом.

Настя не вытерпела и прыснула:

– С такими-то котлетами?

Какие у него стали глаза! Настя потом долго вспоминала тот момент и понимала: не посмотри он на нее подобным взглядом – ничего бы дальше и не было. Она бы сдержала данное себе обещание не заводить связей, отвернулась, ушла... Но он посмотрел как пес, которого почему-то пнули – незаслуженно и больно. В груди у Насти что-то оборвалось – как всегда, когда начинался очередной роман. И с того момента она уже сама себе не принадлежала.

То был типичный характер русской женщины – самоотверженной, податливой, жалостливой до глупости, но только характер, изуродованный городом, глупыми фильмами, небрежным воспитанием. Сам Некрасов, певец русских женщин, походил бы вокруг Насти да и развел бы руками – ничего, мол, хорошего о ней не напишешь! А между тем она была на удивление доверчива и целомудренна – при всем своем немалом сексуальном опыте. Сердце, которое она считала отданным много раз, на самом деле оставалось таким же девственным, как в пятнадцать лет. И вот оно снова учащенно билось, снова на что-то надеялось.

И Настя пошла с этим человеком, которого совершенно не знала, приняв приглашение. Она прижимала к груди пакет с ананасом, который заменял цветы, так же как случайные связи заменяли ей любовь. И если бы кто-то сказал ей в этот момент, что она очень несчастна, девушка бы рассмеялась. Она?!

Квартирка оказалась маленькой и запущенной. Николай, не снимая ботинок, прошел на кухню и сразу поставил на огонь сковороду. Настя отыскала телефон и позвонила маме.

– Я вернусь поздно.

– Обещала же принести хлеб!

– Мама, я... – Настя все больше понижала голос, так что сама себя плохо слышала. – Я принесу, ну правда, только потом.

«Позвоню в час ночи, – попутно прикидывала она. – Нет, все будет в порядке, он, кажется, хороший!»

– Господи, – вздохнула мать. – Опять?

– Ну, мама...

– Хоть человек приличный?

– Очень.

С кухни слышался треск раскаленного масла. Настя удивлялась про себя: ее в самом деле решили накормить ужином!

– Он с твоей работы? – беспокоилась мать. – Настя, будь осторожна!

– Да, мамочка. Я еще позвоню!

Она и позвонила – после полуночи, когда случилось все, что обыкновенно случалось, когда она чувствовала себя одновременно и победительницей, и побежденной, а на сердце остался какой-то горький осадок – она и сама не понимала, почему. Позвонила и сказала

матери, что ночевать не приедет, утром сразу отправится на работу, что она счастлива... И, кладя трубку, вдруг вспомнила, сколько раз произносила подобные фразы, а счастья так и не испытывала.

...Но прошлая осень была совсем особенной. Настя задыхалась от любви – иначе не скажешь. Она смотрела на мир расширенными, полубезумными глазами, улыбалась чаще обычного и готова была всех благодарить, всех любить – потому что это был ОН, ОН!

Николай относился к ней очень бережно, разговаривал по душам, часто сам готовил ужин, хотя Настя об этом не просила. Сама готовила не то чтобы плохо, а очень медленно. На очистку и разрезание луковицы у нее могло уйти полчаса – потому что девушка могла все бросить и, вытирая слезящиеся глаза, уйти говорить с подружкой по телефону. Ее прежних приятелей это раздражало. Николая – нет. Казалось, его в ней не раздражало ничто.

О своих прошлых связях девушка рассказала всю правду, хотя он и не допытывался. Мать как-то заметила Насте, что она делает большую ошибку, искренне исповедываясь мужчинам о том, что было «до них».

– Никогда не говори всей правды! Тебя не будут уважать и бросят! – Пожалуй, то был один из немногих дельных советов, которые мать дала уже взрослой дочери.

– А я все равно буду говорить, – упрямо ответила Настя. – Не хочу, чтобы между нами была ложь!

Мать лишь вздыхала. Она совсем не верила, что очередная связь дочери продлится дольше двух месяцев (как-то был установлен такой рекорд) и что Николай – тот самый ОН. Но пришли новогодние праздники – и Николай, с заправским видом зятя, отметил их вместе с родителями Насти. Те не знали, куда его усадить, чем накормить, а Настя сияла. Она знала, верила, что ЭТО когда-нибудь произойдет, что все было не зря и не напрасно она растрачивала тело и душу в случайных знакомствах! Она просто искала свою настоящую судьбу.

– А пожениться вы не хотите? – шутливо спрашивала мать. Она караулила в духовке пирог и курила возле приоткрытой форточки, в которую врывались облака морозного воздуха.

– Пока нельзя. – Настя с излишней тщательностью чистила апельсин.

– Почему?

– Он женат.

И тут мать, никогда не принимавшая близко к сердцу похождения дочки, никогда не упрекавшая ее, внезапно расплакалась. Может быть, это случилось потому, что она, как и Настя, искренне надеялась, что каждый мужчина, попадавшийся на Настином пути, – ее будущий муж... А этот был выше всякой критики! Добрый, внимательный, работающий...

– Ну, мама, – успокаивала ее Настя. – Зачем ты так? Он разведется!

– Дурочка, – плакала та. – Это только так говорится! Попользуется тобой и бросит.

– Мама! – гневно вскрикнула Настя. Она выпрямилась и даже показалась выше ростом. – Никогда, слышишь, никогда этого не повторяй! Он любит меня!

– Сто раз слышала! Хотелось бы убедиться!

– Убедишься!

– Дурочка, – мать никак не могла успокоиться. – С чего ты взяла, что он тебя так сильно любит? Он парень серьезный, а такие запросто не разводятся.

– Он... – задыхалась Настя, – он заботится обо мне! Он меня жалеет! И он твердо обещал, что разведется и сразу женится на мне!

– Ну и дура же ты!

Они все больше повышали голоса, и наконец на кухню заглянул отец Насти. За ним маячил силуэт ее младшего брата, а в глубине коридора стоял Николай.

– Что это вы раскричались?

– Идите в комнату! – чуть не плача отвечала мать, вытаскивая противень из духовки и выкладывая пирог на блюдо. – Сейчас сядем за стол.

– Но что все-таки происходит?

Николай выдвинулся на первый план. Он оглядел заплаканных женщин, мигом оценил ситуацию и вдруг сказал:

– Как вы посмотрите на то, если весной мы с Настей поженимся?

Эти слова мгновенно осушили слезы у матери. Она обернулась к мужу и прошептала:

– Как?

Тот махнул рукой:

– Это Насте решать.

Разумеется, вся эта сцена с предложением руки и сердца была чистой формальностью. Родители только и мечтали о том, чтобы дочь устроила свою семейную жизнь. Настя была согласна давно. Именно с этого момента она и стала думать о Николае как о муже.

* * *

О его жене девушка узнавала как-то урывками. Сперва явилось имя, случайно промелькнувшее в разговоре, – Юлия. Потом – фамилия, отчество и год рождения. Все эти данные были в паспорте Николая, который она как-то тайком просмотрела. Но какова из себя эта Юлия? Чем занимается? Почему Николай с ней не живет?

– Она красивая?

– Нет.

– Я лучше?

– Конечно!

Обычно после подобных расспросов Николай начинал ее целовать и упрекать – то ли шутя, то ли серьезно, что Настя – сущий ребенок и пора бы ей повзрослеть. Настя, со своей стороны, обещала повзрослеть немедленно и всякий раз намекала на то, что хотела бы родить ребенка.

– Да ты сама еще дитя! – возражал Николай.

– Вовсе нет!

– Ревнивое такое дитятко! К кому ты ревнуешь, глупенькая...

И когда он произносил это слово – беззлобно, ласково, девушка чувствовала себя очень счастливой. Ей хотелось ребенка, хотелось по-настоящему выйти замуж, она даже воображала будущую свадьбу – и впервые в роли жениха видела не персонажа с размытым, абстрактным лицом, как прежде, а конкретного человека. И уже представляла, какое сошьет платье, каких подружек позовет...

– Хороший парень, – задумчиво говорил ее отец. – Только почему он до сих пор не развелся?

– В самом деле, сколько можно тянуть? – беспокоилась мать.

Родители, как никогда прежде, интересовались ее личной жизнью. Они впервые почувствовали, что их дочь встретила человека, который может стать ее мужем, и все принимали близко к сердцу.

– Эта Юлия – кто она такая? – раздражалась мать. – Почему он ее не бросит?

– Он ее уже бросил, – понуро отвечала дочь.

– Ага, бросил! – язвительно замечала та. – Господи, что же ты у меня такая простая – всему веришь! Сегодня бросил, завтра, если вы поссоритесь, – опять к ней пойдет, а ты так и будешь одна болтаться!

– Давайте, я с ним поговорю, – вступал отец. – В самом деле, Настя, ты у нас как дурочка! Я уверен, что ты ни разу ему прямо не сказала, чтобы поторопился!

– Предложение сделал, при свидетелях, – говорила мать, – а сам что-то не торопится. Постыдился бы! Ну, с тобой стесняться нечего!

Настя хмуро разглядывала руки. На одном из пальцев блестело колечко – золотое, с дешевыми камешками. Кольцо подарил ей Николай на Новый год, и она вообразила, что это является чем-то вроде помолвки. В сущности, она была очень счастлива, вот только каждый раз, когда родители принимали такое деятельное участие в ее судьбе, на девушку накатывали тяжелые мысли.

«В самом деле, он тянет с разводом. Почему не пойдет и не скажет этой Юлии прямо – у меня есть другая? Он ведь давно с ней не живет. А может, боится сказать? Тогда, может быть, я сама...»

Настя знала, что Николай приехал в Москву из Владивостока, жениться тут и не думал, все вышло достаточно случайно. Прописан он был у жены, так что адрес (после просмотра паспорта) Настя тоже знала. Что могло быть проще? Пойти туда, объясниться...

Но девушка никак не могла решиться на такой шаг. Ее бросали – это бывало сплошь и рядом. Но чтобы кого-то бросали из-за нее? И как она могла пойти к этой женщине и потребовать развода?

Она решилась заговорить об этом с Николаем. Дело было в самом начале весны.

– Она не дает тебе развода? – допытывалась Настя. – Но ты же сам можешь с ней развестись! У вас нет детей?

– Нет, – сквозь зубы отвечал Николай.

– Тогда почему ты до сих пор?.. – У девушки начинали гореть щеки. Ей было так неловко настаивать, но что было делать? – Мама говорит, если нет детей и материальных претензий, разводят очень просто...

– Потерпи, – бросал тот.

– Сколько терпеть? Зачем?

Настя обнимала его за плечи, заглядывала в глаза, пытаясь что-то обнаружить в них. Но эти серые глаза были совершенно непроницаемы и как будто пусты. Ей становилось страшно и она отводила взгляд.

– Все будет в порядке, – сдержанно говорил Николай. – Не пори горячку.

Тогда же, в начале весны, она узнала номер телефона его матери. А потом, в середине апреля, муж внезапно исчез. Вечером, придя с работы, она приготовила ужин, посмотрела телевизор, дождалась часа, когда Николай всегда возвращался. Потом подождала еще, без особой тревоги, решив, что у него какая-то срочная работа. Девушка даже порадовалась, потому что это означало – дополнительные деньги. Ближе к полуночи Настя всерьез перепугалась – так поздно он еще не приходил. И отыскивая телефон автосервиса, обнаружила под аппаратом короткое послание, написанное его прямым, аккуратным почерком. Николай писал, что должен был срочно уехать, пусть она не переживает и... От следующих слов у нее подкосились колени – «не ждет».

«Как это – не ждать? – Настя перечитала записку, надеясь найти в ней какой-то иной смысл. – Что это значит?»

Она ничего не сказала родителям – не знала, что сообщить, как объяснить. Мучительно припоминала все последние дни, все слова – и не находила ни единой причины для разрыва. «Уехал, – горько думала она. – Даже не попрощался. Даже не написал – «целую»! А вдруг он никуда не уехал, а живет у жены?» Если бы она поинтересовалась мнением матери, та бы немедленно ответила, что так и есть – Настя доигралась. Отец бы очень расстроился, братец начал бы смеяться. И потому, когда она звонила родителям, то говорила деланно-веселым голосом и сообщала, что все в порядке.

Николай позвонил всего раз, по межгороду. Девушка даже слова не успела вставить. Он звонил лишь для того, чтобы напомнить – квартира оплачена до конца месяца, Настя может там остаться, но сам он не вернется. Все кончено.

Она уже не помнила, сколько раз ее бросали. Знала одно – сейчас больно как никогда. Удар был нанесен совершенно неожиданно. Она еще пыталась в чем-то разобраться, даже сходила к нему на работу – спросить, не знают ли там чего-нибудь? Выяснилось – он уволился.

Она ждала, плакала по ночам, сидела у телефона в надежде, что Николай позвонит. Но звонили только родители. Первой все поняла мать.

– Еще один, – вздохнула она. – Тебя как сглазили...

Она верила и в сглаз, и в порчу, и в «венец безбрачия», и в прочие вещи, которые не поддаются проверке, но производят большое впечатление.

Настя не только прожила в съемной квартире до конца апреля, но и уплатила за май из собственных средств. Ею руководило какое-то суеверное чувство – если она здесь останется, не все кончено, есть надежда. Часто являлось искушение отправиться по известному ей адресу, поговорить с Юлией... А возможно, и с Николаем – если тот вернулся к жене. Но Настя никак не могла решиться.

Когда наступило лето, ей стало ясно, что с квартиры придется съезжать – такой расход был не по карману. И только тогда, хватаясь за соломинку, Настя вытащила припрятанный когда-то клочок бумаги с номером во Владивостоке. Позвонила его матери... И даже не назвав своего имени, почти не задавая вопросов, узнала все.

Глава 3

Дом в переулке она посетила только несколько дней спустя. За это время она приняла решение – вернуться к родителям, всю себя отдать работе, и – если получится – не думать о случившемся, все забыть.

«В конце концов, он ведь меня бросил, – пыталась рассуждать девушка. – И теперь он мне – никто. Почти два месяца прошло с тех пор, как он позвонил и сказал – кончено. Погиб в середине мая... Так какое мне до этого дело? Мы давно расстались».

Но ей было дело – еще как было, потому что Настя никак не могла забыть свою последнюю любовь. И теперь ей начинало казаться, что она не ошибалась, что Николай и в самом деле был – ТОТ, та самая «вторая половинка», в которую она верила безусловно, которую искала, так часто ошибаясь. И чувствовала себя ограбленной.

– Пора успокоиться, – нервничала мать, узнав обо всем, случившемся во Владивостоке. – Не ввязывайся, забудь. Мы же почти ничего о нем не знали. Вдруг какая-то разборка? С машинами был связан, а это такой бизнес... Ничего о своей семье не говорил, о прошлом тоже. Может, даже к лучшему, что вы расстались, прежде чем...

– Да как ты можешь? – плакала дочь. – Сама же говорила, что он тебе понравился!

– Мало ли что говоришь... Я переживала, надеялась, что наконец выйдешь замуж. Откуда мне знать, кто он такой и почему его убили?

– Ты имени своего не называла? – в свою очередь тревожился отец. – Как ты говорила, что?

– Ничего особенного, – Настя вытерла слезы и снова принялась разбирать вещи, привезенные в родительский дом со съемной квартиры. – Позвонила, спросила Николая. А какая-то женщина сразу ответила, что он мертв, убили... Ее нельзя было остановить – она все говорила и говорила...

Девушка провела рукой по пылающей щеке. Разговор до сих пор звучал у нее в ушах.

– Убили, ограбили! – твердила женщина в трубку. Она не плакала, и голос звучал на удивление сухо и спокойно. Только вот интонация – резкая, как будто кого-то обличающая. – Отняли все деньги, зарезали. Вот так вот, вот так!

Настя до того оторопела, что ничего не сказала. Если бы ее спросили об имени, о том, кем она доводится Николаю, – девушка и тогда бы ничего не смогла сказать. Но ее не спрашивали. Информация повторялась и повторялась – как лента, пущенная по кругу, как прогноз погоды на автоответчике в метеослужбе. Наконец Настя повесила трубку первой. Она не могла больше слышать этого голоса, в котором было столько горя, столько безнадежности.

– Ты не назвала своего имени?

– Меня не спросили.

– Хорошо, – отец шагнул по ее маленькой комнатке, натываясь на разбросанные вещи. – Это очень хорошо, что не назвала. Убили – надо же! А вдруг тебя притянут?

– За что?

– Найдут, за что, если никто другой не подвернется, – бросила мать, открывая шкаф и укладывая туда вещи Насти. – Телевизор надо смотреть. Кто с ним жил – ты! На ком он хотел жениться – на тебе! А деньги – что за деньги, откуда? С тебя спросят.

– При чем тут деньги? – Настя отвернулась к окну. Наступило лето – ласковое, мягкое лето. Она-то мечтала, что они с Николаем будут ходить в ближайший парк, загорать на озере, кормить уток. Нехитрые, простые удовольствия, не требующие расходов. Она никогда не мечтала ни о красивой жизни, ни о курортах, ни о дорогих подарках. Все, что ей было нужно, – это близость любимого человека, да еще, может быть, Правда.

Что она понимала под этим словом, которое всегда произносила с большой буквы, – девушка и сама не могла бы себе объяснить. Но зато сразу бы сказала: Правда – это нечто, противоположное лжи, которая иногда так удобна! За что ее упрекали подруги, когда она рассказывала им о своих романах? За Правду. За то, что она не умела и не желала лгать, польстить своему очередному избраннику, честно высказывала свои желания и не умела притворяться в постели.

– Ты дура, – внушала ей одна подружка (бывшая замужем уже второй год). – Мужиками нужно управлять. Любой, самый умный, сразу попадется на удочку, если ему внушить, что он самый красивый, самый сексуальный, самый умный! А ты что делаешь? Режешь ему в глаза правду-матку?! Сравниваешь с теми, кто был до него? Да он тебя возненавидит!

– Значит, я идиотка, – уныло отвечала Настя. – Я готова искать сколько угодно... Только чтобы в конце концов все было по-настоящему. Чтобы не было лжи. Я так не сумею...

– О, чтоб тебя! – ярилась более опытная подруга. – Зачем ты всем говоришь, какой он по счету на самом деле? Говори, что второй! Им это нравится! Говори, что первый никуда не годился, а вот он – совершенство!

– Это вранье, – возражала Настя.

– Что с тобой говорить! Я своему мужу сказала, что он второй, хотя... – Подруга выразительно повела плечом. – Знаешь, что он ответил? «Почему это я всегда второй? Кого ни спрошу – второй! Где же первые-то?»

– А ты что?

– Ничего. Через три месяца женился.

– И вы счастливы?

– Конечно.

И Настя начинала думать, что с ней что-то не так. Ее не устраивало подобное счастье, хотя она и сама понимала – иногда стоит солгать.

Николаю она не лгала – впрочем, как и всем его предшественникам. Сразу поведала о прежних неудачах, покаялась, что была неразборчива. Тот выслушал без особых эмоций, и это очень понравилось Насте, хотя многие ее подруги сочли бы это за равнодушие. Она же думала, что он воспринял ее такой, какая есть. Зачем лгать? Что скрывать?

И сейчас Настя понимала, что если она поведала о себе все, то он умудрился не рассказать о себе почти ничего. Например, что она знала о его прежней жизни на Дальнем Востоке? Что – о московской жизни? Что, наконец, о его загадочной жене, которая не желала развода, что вообще о его жизни и о его смерти?

Ничего. Это слово звучало как приговор. И через несколько дней после переезда к родителям Настя наконец решилась.

Адрес она знала – это в центре. Имя – Юлия Федоровна Чистякова. Она решила не сообщать родителям о своих планах. Испугаются, попытаются ее остановить. На всякий случай девушка даже не взяла с собой паспорта – имени своего не назовет, ни за что.

* * *

Дом она нашла легко, но куда труднее оказалось набрать нужную комбинацию цифр на домофоне. От волнения тряслись руки. Ответил мужской голос.

– Что нужно? – весьма неприветливо спросил тот.

– Мне бы поговорить с Юлией Федоровной.

– Опоздали.

Связь отключилась. Настя некоторое время переминалась с ноги на ногу. Она не совсем поняла, что могли означать эти слова. Опоздала? Юлия ушла на работу? Уехала из города?

Наконец Настя решилась набрать номер повторно, хотя больше всего ей хотелось сбежать. На этот раз разговор получился более содержательным.

– Это опять я, – виновато сказала девушка. – Мне нужно было поговорить с Юлией Федоровной... Насчет Николая.

Пауза. Голос в динамике стал резким:

– Насчет кого?

– Насчет ее мужа.

– А в чем дело? Уже говорили.

У нее было такое чувство, что неведомый обитатель квартиры вот-вот отрубит связь и в третий раз вызов не удастся. И Настя поспешила все объяснить. Она выражалась осторожно, но точно. Сказала, что была знакома с покойным Николаем, что у нее есть кое-какие вопросы и теперь она не знает, куда еще обратиться... Наконец получила ответ – долгий стон открываемой двери.

– Третий этаж и налево, – все так же резко ответил мужчина. – Дверь будет открыта.

И она пошла – как на заклятие, поскольку совершенно не понимала, что ей сказать, о чем спросить и с кем ей предстоит общаться.

Дверь в самом деле была приоткрыта. В прихожей девушку поразил запах сырой затхлости. Где-то очень громко журчала вода, затем раздался оглушительный ноющий звук, от которого Настя едва не подпрыгнула. Только сейчас она различила силуэт хозяина – тот стоял в глубине прихожей.

– Не бойтесь, – сказал он, причем уже вполне дружелюбно. – Трубу прорвало. С утра жду сантехников, да они все перепились, не ходят к нам.

– Я... По делу...

Настя никак не решалась сделать следующий шаг. Что-то отвращало ее от этого – то ли душный влажный воздух, то ли странный силуэт. Она видела его против света и потому не могла различить лицо, но все-таки решила, что мужчина пожилой.

– Вы знали Юлю? Заходите! – он приветливо повел рукой. – Я один.

«А как плохо, что и я одна, – подумала вдруг Настя, делая неуверенные шаги. – Глупая... Мало ли что?!»

– Тут у меня кого только не было! – продолжал хозяин. – Милиция – раз, милиция – два. Унесли даже процессор.

– Процессор?!

– Да, от ее компьютера. Хотели забрать монитор и колонки, но я не дал. Заберут – потом ищи-свищи. Скажут – приобщили к делу.

Это было уже куда понятней. Дело об убийстве Николая, следствие. Этот мужчина все знает. Настя слегка приободрилась.

– Значит, была милиция? А что они говорят?

– Так вы не оттуда? – сразу насторожился он. – А кто вы?

– Я... Знала Николая, – нерешительно ответила Настя. – С Юлией Федоровной я не знакома.

– И не будете знакомы, – с необъяснимой иронией заметил тот.

– Она уехала?

– Умерла. Повесилась. В начале мая, в каком-то занюханном кафе.

И воздух снова сотрясли те самые внезапные рыдания, которые выбили из колеи следователя в первый его визит. Настя стояла как заколдованная. Она ожидала всего, но такого...

– Повесилась? – наконец вымолвила она. – Почему?

– Его спросите!

– Колю?

Это фамиллярное обращение вырвалось у нее совершенно бессознательно. До сих пор девушка старалась делать вид, что не имеет прямого отношения к человеку, о котором спрашивала. Ей казалось, что так можно узнать больше...

– Кому – Коля, кому – никто! – отрезал тот, мгновенно перестав всхлипывать. Сейчас, когда глаза привыкли к скудному освещению, девушка видела, что перед ней стоит пожилой и, вероятно, не очень здоровый человек.

– Почему она это сделала?

– Никто не знает. Оставила записку с дурацким смыслом. Меня все таскают, выясняют, что это значит. Про ее личную жизнь спрашивают – а что я про нее знаю? И про твоего Колю тоже... А я с ним никаких дел не имел!

Он сразу перешел на «ты», совершенно перестав стесняться. Снова взвыла труба, откуда-то из глубины квартиры потянуло влажным паром. Настя задыхалась – то ли от тяжелых испарений, то ли от волнения.

– Почему вы решили, что он мой? – еле слышно спросила девушка. Она не кривила душой – сама не понимала, «ее» ли он или чей-то еще?

– А чей? – спросил мужчина. – Моя дочь с ним и нескольких недель не прожила.

– Я ничего не знаю об этом.

– И я – ничего, – мужчина раздражительно повел носом. – Ну и сырость – скоро штукатурка с потолка начнет падать. Поможешь?

Настя не поняла, в чем она должна помогать – в падении штукатурки или в чем-то еще, но послушно пошла на зов. В ванной невозможно было дышать от скопившегося горячего пара. Труба горячей воды была перевязана тряпками, изолянт – всем, что нашлось под рукой. На сером кафельном полу стояли лужи. Мужчина подтолкнул к Насте облуленный тазик и тряпку:

– Вытрешь? А то я сантехника не дожусь. Ему – плати, жильцам снизу за потоп – плати, а откуда я возьму? Я денег не ворую!

И глянул на Настю так, что было ясно – по его мнению, уж эта-то молодая особа воровала.

Девушка взялась за тряпку – больше от растерянности. Она была рада на несколько минут остаться одна, потому что совершенно перестала понимать, где оказалась и что из этого может выйти. «Не прожили и нескольких недель, – думала она, выжимая в таз тряпицу. – Как же так? Почему он не развелся? Что это значит? Я видела в его паспорте дату регистрации брака – три года назад. И за все это время – несколько недель? А дочь повесилась, Николая убили... Когда она повесилась? Почему?» И острой иглой в мозг вонзилась мысль – женщина, совсем ей неведомая, могла повеситься оттого, что Николай ее бросил...

А сама Настя могла бы? Может, она меньше любила? Меньше понимала в этой жизни? Ведь Юлия была старше ее на десять лет. Она была даже немного старше Николая. Что произошло?

Вытерев лужи, Настя оглядела ванную и пришла к выводу, что тут живут небогато. Во всяком случае о декоруме не беспокоятся. Обшарпанные стены, криво положенный кафель, ржавые потеки под смесителем... Она вышла в коридор и окликнула хозяина. Тот немедленно явился откуда-то из глубин квартиры:

– Иди, выпей чаю. Я как раз заваривал, когда ты пришла. Интересно послушать, что скажешь?

И она сразу оказалась в ином мире. Красиво покрашенные стены, стильная мебель, чистые занавески. Тяжелый банный дух ощущался и здесь, но был почти незаметен на фоне модного интерьера. Тем более хозяин открыл створку окна:

– Вот это и была ее комната.

– У вас цветок сохнет, – Настя указала на высокую драцену в керамическом горшке. – Все листья желтые.

– А кому он нужен?

– Все-таки жалко...

– Значит, жалостливая? – И снова ей что-то очень не понравилось в его тоне и во взгляде маленьких, глубоко посаженных глаз. Но девушка боялась меньше, чем прежде. Теперь она видела – перед ней пожилой, больной человек.

– Я спросить хотела... – сказала Настя, выдержав паузу. Иногда это удавалось настолько хорошо, что с ней даже начинали считаться. – Почему Юлия Федоровна не давала Николаю развода? Вы говорите, что они вместе не жили.

– Не давала, – тот не поставил, а бросил перед нею чашку с чаем, так что на столе образовалась лужица. – Не давала – значит, не желала.

– Но почему?

– Много ты понимаешь! Молодая еще.

Сам хозяин к чаю даже не прикоснулся. Он расхаживал из угла в угол, от стены к стене, как будто измерял комнату шагами. Наконец остановился:

– Замужем была?

– Нет.

– А хотела бы?

Настя понимала, что смущаться глупо, но все-таки смутилась.

– Конечно, хотела бы, – ответил за нее хозяин. Теперь она рассмотрела, что то был еще не очень старый мужчина, с обрюзгшим, серым лицом. – Все хотят, да не у всех получается.

– К чему вы это? – Настя окончательно растерялась. – Я и не думала выходить замуж.

И снова солгала, но ей очень не хотелось говорить правду этому человеку. Впрочем, он все равно ей не поверил и как-то нехорошо рассмеялся.

– Сколько тебе лет?

– Двадцать три, а что? – Девушка почему-то ощутила себя загнанной в угол.

– Самая пора рожать.

– Какое вам до этого дело? – Тут она окончательно потеряла терпение. Этот человек касался того, о чем она боялась говорить даже с родителями, не желала думать наедине с собой. Да, ей хотелось бы иметь ребенка. Очень хотелось бы! Но... Как он смеет над ней издеваться?!

– Прямое дело, – отрезал мужчина. – Моя вот дочь в свои тридцать три так и не родила. Остался я без внуков. И кому все это оставить?

Он выразительно обвел взглядом стены. Настя пожала плечами:

– Все равно, я не при чем. А вам, конечно, сочувствую.

– Не ври, – оборвал он девушку. – Лучше скажи, сколько ты с ним прожила?

– Полгода.

Правда вырывалась автоматически.

– И что он тебе говорил о моей дочке? – в голосе снова зазвучали слезы.

– Почти ничего, – Настя невольно жалела этого постаревшего, одинокого человека, оставшегося после смерти дочери наедине со своими истериками и лопнувшими трубами в ванной. – Говорил, что не живет с ней. Говорил, что хочет развестись, а она – нет.

– А как они познакомились? Где?

– Об этом я ничего не слышала. Вам лучше знать.

– А что ты тогда вообще знаешь? – Мужчина утер слезы. – Чай допила?

Настя испуганно отставила в сторону полупустую чашку.

– Ходят, шляют, лезут в душу, – твердил тот, расхаживая по комнате. – Хоть бы кто объяснил – что творится?

– Вам лучше знать, это была ваша дочь, – осмелилась сказать Настя. И тут же об этом пожалела – в ответ на нее потоком вылилась ругань и беспричинные упреки.

– Моя дочь? Моя дочь, – вопил тот. – Сперва заведи свою, вырасти, выкорми, воспитай, а потом суди! Моя дочь! Да что ты можешь о ней знать!

И, подскочив к девушке вплотную, запричитал:

– Я никогда для нее ничего не жалел! Я только хотел, чтобы все у нее сложилось, чтобы вышла замуж, родила детей!

«Мои родители говорят то же самое, – думала Настя, потихоньку отступая к стене. – И неужели... Неужели это так же глупо звучит?!»

– Моя дочь! – Тот тряхнул кулаком перед лицом Насти, но она не отшатнулась. Наступил момент, когда этот человек – про себя девушка называла его стариком – перестал ее пугать. Да, она ничего о нем не знает, он жалок, агрессивен, он пытается выместить на ней свои неудачи. Но... Разве он опасен?

– Моя дочь стояла десятерых таких, как ты! – выпалил он.

Настя не стала возражать, и как ни странно, ее молчание вмиг успокоило хозяина. Он обмяк, растер рукой серое лицо и присел на стильный хромированный стульчик:

– Что-то мне нехорошо...

– Вызвать скорую? – испугалась Настя.

– Не стоит. Само пройдет. А ты тоже сядь, не беспокойся. – Старик – а иначе его уже нельзя было назвать – продолжал массировать отвисшие морщинистые щеки. – Что я на тебя набросился? Ты не виновата.

Настя молчала. Тот достал из нагрудного кармана фланелевой рубашки сигарету и закурил.

– Если вам плохо, то не стоило бы курить, – робко сказала девушка.

– Все равно, – он разогнал рукой дым и впервые прямо взглянул ей в глаза. – Так ты жила с этим Николаем? Как его по фамилии?

– Рудников.

– И хорошо жила?

– Да.

– Что же это, – он ронял пепел на пол и машинально растирал серые комочки подошвой тапка. – Все хорошо живут, все женятся, детей рожают... Только с Юлькой было что-то не так.

– Может быть, мне лучше пойти, – Настя так и не присела. Все это время она простояла у стены, наготове. Она знала: лучше быть начеку и сразу убежать, – и все время повторяла про себя слова родителей – никому ничего не говори, не светись, не называй своего имени...

– Постой... – Старик продолжал курить. – Ты меня не бойся. Я не знаю, что делать. Ко мне ходят, спрашивают про них, про ее трех мужей. А что я могу сказать?

– Трех? – Настя так и прижалась к стене. – Желтый высохший лист драцены с легким стуком упал на пол. Девушка проводила его взглядом. – Как – трех? Каких – трех?

Старик поднял взгляд:

– А что тут такого? Три раза выходила замуж. И вот начали приставать: первые два мужа в розыске, третий – убит. Ходят ко мне, ходят... Говорят: если кто из ее знакомых появится – сразу сообщить.

Настя молчала. Сказать было нечего. Идя сюда, она ожидала чего-то другого. Например, столкновения с женой Николая. Обмена репликами, возможно, даже оскорблениями. «Я его жена!» – «А меня он любил!» Все представлялось напыщенным, однозначным – как было в сериалах, которые постоянно смотрела ее мать и которые, волей-неволей, краем глаза видела сама Настя. А тут... Полутемная, странная квартира. Прорванные трубы, заплаканный старик, который одновременно докуривает сигарету и хватается за сердце. И вот еще эти три мужа...

– Деточка, – неожиданно ласково обратился к ней тот. – Забыла бы ты об этом!

И, раздавив окурок, добавил:

– Не знаю, что случилось с моей дочкой, но все-таки... Все-таки мне кажется, дело нечисто. Если ты ничего не знаешь – лучше иди, откуда пришла.

– Я не могу, – Настя наконец преодолела немоту. Губы слушались плохо, но она все-таки говорила. – Понимаете, дело даже не в том, что его убили... А только мне нужна была правда, а правды между нами не было.

– А между кем она есть?

– Не знаю, – девушка подошла к столу и старательно затушила тлеющий окурок. Она терпеть не могла табачного дыма. – Может быть, правды нет вообще.

– Нет правды на земле, но нет ее и выше, – процитировал Пушкина старик и вдруг заулыбался. Нельзя было сказать, что улыбка шла к его лицу, но девушка тоже улыбнулась ему в ответ. – На самом-то деле правда есть, – он неожиданно сменил тон и посерьезнел. – Вопрос в том, хочешь ее узнать или нет?

– Хочу!

– Да и я бы хотел, – он тяжело поднялся со стула. – Ты в самом деле, любовница Николая? Слово «любовница» резануло слух, но Настя все равно кивнула.

– И ты хочешь узнать правду о том, почему он умер?

– Да.

– Но, конечно же, – остановясь в дверях, он с иронией оглядел ее шуплую фигурку, – тебе все равно, почему умерла моя дочь?

– Мне не все равно, – твердо ответила она. – Мне кажется, что эти смерти как-то связаны.

– Вот и следствию кажется, но они не говорят, почему? – он продолжал ее рассматривать – пристально, оценивающе. – А ты можешь сказать, откуда у тебя взялась такая мысль?

– Смерти очень близки по времени, – неуверенно ответила Настя. – Я ведь не знала, что ваша дочь мертва. О том, что убили Колю, услышала случайно... А когда именно она умерла?

– Пятого мая.

– А Коля – семнадцатого, – она взглянула на стол, где стоял компьютер. От него остался только монитор, клавиатура да колонки. «Мышь» лежала на полу, под столом. Было ясно, что в комнате давно никто не прибирался. – Зачем взяли процессор?

– Хотели что-то из него выгащить, наверное, – ответил тот. – Ну что ж, если на то пошло, идем ко мне в комнату. Там поговорим.

Комната разительно отличалась от той, где только что побывала Настя. Там была чистота, но и беспорядок, чувствовалось отсутствие хозяйской руки. Тут – давнее, уже устоявшееся запустение. Ободранные обои, отставшие по углам, пятна плесени на потолке, расшатанная дешевая мебель. Настя робко присела на край стула. Хозяин с тяжелым и привычным вздохом повалился на диван.

– Так и живу, – сообщил он, переводя дух. – Дочери нет, денег нет, остались одни слезы. Послушай, как она умерла...

И он рассказал ей то, что видела Рая-барменша, то, что удалось выяснить следователю и волей-неволей стало известно и ему. Настя слушала молча, перебирая кончиками пальцев бахрому на кофте. Она ждала не этого... Она шла сюда не для того, чтобы узнать подобные вещи. Все рисовалось иначе, и все стало иным...

– Что скажешь? – поинтересовался хозяин и вдруг заулыбался. – Да что я тебя спрашиваю, детка? Что ты можешь сказать?

– Почему? – обиделась она, выпуская из рук бахрому, большую часть которой уже успела заплести в косички. – У меня есть собственное мнение.

– Ты тоже думаешь, что моя дочь причастна к этим смертям?

Настя вскочила:

– К чему? К смертям?! О чем вы?

Старик обрадовался. Он сказал, что и сам никогда не думал, что его дочь может погубить чью-то жизнь, но с ним теперь так разговаривают, на него так смотрят... Наверное, пошли слухи, и даже соседи перестали здороваться.

– Выйду в магазин – и всякий, кто встретится, смотрит на меня как на маньяка...

Его жалобы тянулись долго, как слюна, а Настя уже не слушала. Она лихорадочно обдумывала все факты, которые только что стали известны. «Колю убили семнадцатого мая. Она повесилась, непонятно почему, пятого мая. Ее прежние мужья, как говорит этот старикан, пропали без вести много лет назад, и что же? Что?!...»

Ответа не было. Во всяком случае к ней он не пришел. В тишине раздавались лишь сиплые вздохи старика да мерное гудение перевязанной тряпками водопроводной трубы. Настя заговорила первой.

– Вы затопите соседей, – сказала она. – Где же сантехник?

– ЖЭК в конце переулка, да ноги не ходят, – жалобно сказал тот. – Я звонил, а они...

– Я сбегая, – девушка накинула на плечо ремень сумки.

Она вовсе не собиралась играть роль сестры милосердия, особенно для этого типа, который был ей несимпатичен. Но ей очень хотелось остаться одной на несколько минут, хотя бы затем, чтобы обдумать услышанное. Уходить отсюда просто так, с пустыми руками, она не собиралась.

– Скажи, что я вызывал их уже два раза! – донеслось вслед.

ЖЭК был заперт на огромный висячий замок, но Настя легко сориентировалась и обнаружила неподалеку полуподвальное помещение, откуда доносились голоса, которые могли принадлежать только сантехникам. Она невольно улыбнулась, вспомнив сцену из своей «супружеской» жизни. Первый этаж, как часто бывает, когда живешь на съемных квартирах. Все, что говорилось под окном, слышалось так, будто прохожие были тут же, в комнате. Засорилась труба в ванной. Настя провела предыдущий вечер весьма странно – по телевизору пыталась смотреть «Дживса и Вустера» и между тем носилась туда-сюда с ведром, вычерпывая скопившуюся в ванне воду. Сквозь решетку время от времени всплывали фрагменты чужой, верхней жизни – куски бумаги, мусор, тряпки... Наутро, совершенно измучившись, поняв, что сантехники не явятся, она упала на постель. Коля уже спал. Проспав несколько минут, она внезапно очнулась. Под окном раздавались знакомые до боли голоса. Сантехники! Она уже знала их всех – квартиру, как всегда, сдали с неисправными трубами, так что с местным персоналом ЖЭКа ей пришлось познакомиться теснее, чем хотелось бы.

– Коля, – пробормотала она, шевельнув рукой. – Там во дворе сантехники. Позови Палыча...

Палыч (то есть, конечно, Павлович, имени его никто не знал) был самым толковым, совестливым и трезвым из всех сантехников. У него даже лицо, на взгляд Насти, было интеллигентное. Вообще сантехников она причисляла к особому человеческому виду. То были люди или слишком угрюмые, или чересчур легкомысленные. Или слишком самоуверенные, или – напротив – страшные пессимисты. У них ничего не бывало наполовину. Они внушали страх и почтение потому, что их звали лишь в самые крайние минуты жизни, когда та, в буквальном смысле, была через край...

Муж посмотрел на нее и расхохотался.

– Видела бы ты себя! – Он схватился за бока. – Лежишь голая, вся такая красивая и говоришь: «Позови Палыча!»

И она тоже смеялась... До тех пор, пока не обнаружилось, что сантехники внезапно исчезли со двора, и каторга продолжалась еще сутки...

* * *

– По вызову, – профессионально сказала она, просунувшись в последний пролет лестницы. – Уже два раза вызывали!

– Заявки возьмем после полудня, – лениво ответил морщинистый старик и вдруг ожил, оценив модную одежду Насти. Та по опыту знала, что, вызывая сантехника, нужно одеваться как можно богаче. Тогда точно придут! Сделают одолжение...

– Какой адрес?

Она сказала. Тот обернулся к товарищам:

– Был вызов?

– А кто его знает...

На перевернутой вверх дном бочке резались в карты. Молодой парень сидел, уставившись на «рубашки» карт с видом крайнего отчаяния. Было ясно, что протечки и аварии во вверенном ему районе интересуют его меньше всего на свете.

– У нас обед, – сообщил ей третий – грузный мужчина с добрым, простодушным лицом. – Придем после.

– Там вода течет, – и, желая добавить пафоса, Настя уточнила: – Прямо кипяток!

Все лениво переглянулись. Девушка прикусила улыбнувшиеся было губы. Почему ей не было страшно в подвале, откуда никто бы не услышал ни ее крика, ни зова на помощь, и почему она так чего-то испугалась в той квартире?

– Дом? – продолжал старик. – Номер?

Она чувала, что лучше бы всего было позвать того, с добрым лицом. Такие – самые лучшие. И тут же одергивала себя – какое ей дело, будет ли исправлена авария, – она в той квартире не живет. Настя назвала дом и квартиру, и тут молодой парень встал, бросив карты:

– Ого! Так вы оттуда?

– Откуда – оттуда? – невольно отступила Настя.

– Да оттуда, где баба всех своих мужей убила?

Она поднималась по ступенькам – задом-наперед, едва ощущая ноги. А голоса сантехников, как эринии, витали над ее головой:

– Давно известно!

– Конечно, все знали, все!

– Убивала всех, стерва!

– Им волю только дай!

– Давить таких надо!

– А эта откуда?!

Настя сама не помнила, как вырвалась на белый свет.

Глава 4

Разумеется, следователь очень заинтересовался бы мнением сантехников о погибшей женщине, чье дело он вел. Но так далеко следствие не заходило. Опросили только соседей по подъезду. Но поскольку дом располагался в центре, в очень престижном месте, выяснилось, что соседи появились тут недавно, купив дорогие квартиры и расселив коммуналки. Знакомиться на лестнице и вникать в чужие дела в этом кругу было не принято.

В паспортном столе сообщили чуть больше. Паспортистка – грузная жгучая брюнетка, работавшая тут много лет, – отлично помнила Юлию и всех ее мужей. Мало того, она с легкостью подняла все нужные документы и поведала свои впечатления.

– Да, вот этот, из Рязани, выписался восемь лет назад. Отлично помню! А когда прописывался, конфеты притащил, а я ему говорю – зачем конфеты, у меня диабет!

И, не дав следователю опомниться, затараторила. Женщина сообщила, что в тот самый момент, когда у нее появилась Юлия с мужем, она сразу подумала, что давно пора бы ей замуж! Она ведь знала девушку давно – жили по соседству.

– Не красавица, зато тихая, скромная, лишнего слова не услышишь. И потом – хорошая хозяйка. А это ведь много значит! У нее мать умерла давно, она жила с отцом, готовила, стирала, прибиралась... А жених мне понравился. Симпатичный такой, веселый. Правда, иногородний, а тут уж надо держать ухо востро, потому что многие женятся ради прописки... Ну, а мне-то что? Документы были в порядке, и я их приняла.

– Вы говорите, что жили по соседству, – наконец умудрился ставить слово визитер. – Не слышали, какие у них были отношения?

– Понятия не имею. У меня что – работы мало?

– Я вижу по бумагам, что он выписался через два года.

– Да, – вздохнула паспортистка. – Не сложилось что-то, развелись.

– Вы не знаете – почему?

– Она не говорила. Пришли ко мне вместе, выложили на стол бумажки. Он сам сказал – выписывайте обратно, на родину, в Рязань. А мне какое дело? Выписать – это не прописать.

– Так, а что со вторым мужем?

Паспортистка даже пригорюнилась.

– Когда она с ним появилась, я сразу подумала – он для нее слишком уж хорош. Красавец – глаз не отвести... Был похож на Есенина. Глаза – как васильки, а шевелюра!

Женщина вздохнула.

– Я, конечно, все сделала, как полагается. От всей души желала ей счастья. Но они недолго пожили – всего пять месяцев. В том же году развелись.

– В девяносто восьмом? – Следователь листал бумаги. – Прожили всего пять месяцев?

– Получается, что так.

– Выписывался по своей воле?

– Конечно. Кого можно выписать насильно? Это нужно столько бумажек притащить!

– А третий?

Паспортистка отряхнула руки – во все время разговора она, не переставая, поедала бледные диабетические вафли.

– Ну, тут я не вытерпела, сказала ей пару слов. Что ты, говорю, бросаешься на иногородних? Разве сама не видишь, что у тебя с ними не получается? Это было три года назад. И тоже симпатичный такой мужчина, с шармом...

И она вдруг смутилась, как будто уяснив, что подобное выражение не очень годится для делового разговора.

– А Юля мне ответила, что это ее личное дело. Самое неудобное, что он был тут же, все слышал... Только я уже не могла сдержаться. Нам ведь знаете, что говорят? Следить за такими браками. Может, она их за деньги прописывает? Может, браки фиктивные? А потом суды, расследования...

– Сами-то как полагаете – фиктивные были браки или нет?

Паспортистка перепугалась и зареклась, что никогда не залезала в чужую душу, что только принимает и отправляет, куда надо, бумаги и что прав у нее никаких нет. Это наверху будут решать – кого прописать, кого нет. Ее дело маленькое.

– Я уж думала, что она и с этим разведется, – почти со слезами говорила паспортистка. – Только выяснилось, что он умер. Кто бы мог подумать?

* * *

Были посланы запросы по месту бывшей прописки прежних мужей Юлии Чистяковой. Ответы были короткими и однозначными – пропали без вести. Ищут. Не нашли. По прежнему месту прописки никто из них не явился. Удалось лишь кое-что узнать о самих пропавших.

Первый муж Чистяковой уехал в Москву в 1993 году, на заработки, как он сам сказал родителям. Ему в ту пору было двадцать три года, с Чистяковой они были ровесниками. В Москве парень сперва устроился у дальних родственников, затем перешел жить к жене, а вскоре уже имел возможность снимать квартиру. Женился он скоропалительно, но этот шаг вся родня очень даже одобрила. С невестой, правда, никто так и не познакомился, на свадьбу никого не звали, да и свадьбы, в сущности, не было. Расписались в ЗАГСе, сделали пару снимков на память. Юлия была в белом брючном костюме, с красной розой в руках и смотрела в камеру без улыбки. Жених выглядел смущенным. Никто из родственников не говорил с Юлией даже по телефону. Учитывая, что брак длился два года, это было удивительно. Тем более вся родня парня жила или в Москве, или в Рязани, что было совсем недалеко. Но Юлия так и не собралась никого повидать. На нее стали обижаться и в конце концов игнорировать.

– Я ведь не собиралась вмешиваться в их отношения, – говорила мать пропавшего. – Так и сказала – не хочу быть обузой, не собираюсь у вас жить, но познакомиться-то надо? Или это уже не принято?

Отец выражался более определенно. Он сказал, что ничуть не сомневается – «эта стерва» каким-то образом погубила его сына.

– Почему вы так думаете? Сын вам о чем-то говорил? Писал?

Тот отвечал, что хорошо бы так – тогда бы он давно засадил его бывшую женушку за решетку. Были бы какие-то факты. Но дело в том, что как раз после свадьбы их сын, прежде такой внимательный, заботливый парень, внезапно охладил к родителям и вообще к родне. Перестал приезжать, не присылал денег, не интересовался здоровьем матери и отца. Словом, стал совсем чужим.

– Она его прямо как околдовала, – говорила мать представителям власти. Эта семейная пара давно уже потеряла надежду увидеть сына, исчезнувшего восемь лет назад, и была очень встревожена, когда к ним опять явились с расспросами.

– Но как они хотя бы познакомились? – допытывались у них. – Где? При каких обстоятельствах? Вы и этого не знаете?

Они не знали ничего, кроме места работы сына – Черкизовский рынок, один из контейнеров, где торговали обувью. Но, конечно, столько лет спустя не удалось отыскать ни контейнера, ни его владельца, который мог бы что-нибудь рассказать. Вокруг давно были другие павильоны и другие продавцы.

* * *

Со вторым мужем Чистяковой, которого паспортистка считала похожим на Есенина, дело обстояло ничуть не яснее. Он уехал в Москву из маленького городка в Новгородской области, где все друг друга знали. Это место чем-то напоминало рай до грехопадения Адама и Евы – тут был и лес с реликтовыми деревьями, и плавная чистая река... Не было лишь работы для молодого парня. Он уехал в девяносто восьмом году, на заработки, и не на пустое место – в Москве уже работали его школьные приятели и они обещали помочь устроиться. Его мать была потрясена, получив открытку с известием, что сын женился. По ее мнению, он был еще слишком молод для брака – ему было всего девятнадцать лет. Еще больше она была обескуражена, получив свадебный снимок. Женщина заподозрила, что невеста намного старше жениха, так и оказалось.

– Ей было уже двадцать восемь, – с каким-то мистическим ужасом говорила она навестившему ее следователю. – И из себя такая невзрачная... Может, она его не личиком привлекла, но я ничего не могла понять!

– А ваш сын мог жениться из-за прописки, из-за квартиры?

Та обиделась. По ее словам, сын действительно уехал только для того, чтобы подзаработать в столице. Он совсем не собирался оставаться в Москве навсегда и заводить там семью. Тем более на родине у него уже была невеста!

– И такая милая девушка, – убивалась мать. – Даже сравнить невозможно с этой Юлей... Сын как-то мне позвонил, я спросила – как живете? Он ответил, что собирается разводиться. Я немного успокоилась. Думала – совершил ошибку, с кем не бывает? Пускай перебесится. Я только боялась, чтобы он чего-нибудь не натворил в Москве. Ведь молодой!

Когда сын пропал, она долго не оставляла надежды его отыскать. Ездил в Москву, навестила всех его знакомых, нашла даже саму Юлию – она знала адрес новой прописки сына. Та едва пожелала разговаривать с несчастной матерью.

– Она сказала: «Мы с вашим сыном прожили всего пять месяцев, ничего о нем не знаю и знать не хочу. Мы развелись, он выписался и уехал куда-то». А она вернулась к себе на квартиру.

– Так они снимали какое-то жилье?

– Да, удалось найти квартиру. Она нашла. Почему-то не хотела жить с отцом... – Женщина развела руками. – Видела я ее квартиру – хоромы! Жить бы да жить, а мой Леша все бы им отремонтировал за бесплатно... Но нет... Не сложилось.

– Кем он работал в Москве?

– Строителем.

– Зарабатывал прилично?

Она отмахнулась и сказала, что о деньгах ничего не знает. Уезжая, сын обещал высылать деньги, но потом то ли забыл, то ли не имел такой возможности. Тем более на него свалились непредвиденные расходы – свадьба, квартира, жена...

– Я даже просить не собиралась, – сказала она на прощанье. – Думала – молодая семья, им деньги нужнее. И о ней плохо не думала – вдруг человек хороший? Внуков хотела увидеть...

Женщина с надеждой смотрела на следователя.

– Есть какая-то надежда, или?..

Но ответить ей ничего не могли.

От матери пропавшего узнали адрес его бывшей невесты. Та жила неподалеку, на той же улице, в частном доме. Молодая женщина была очень смущена появлением таких гостей. Выяснилось, что она давно замужем и воспитывает годовалого сына. Говорили в палисаднике – она не хотела приглашать следователя в дом и пугливо оглядывалась на приоткрытое окно.

Потом шепотом призналась, что муж до сих пор ревнует к прошлому, хотя уже и прошло пять лет...

– Когда Алеша уезжал, я обещала его дожидаться, – говорила она, продолжая озиаться на свой собственный дом. – Он и ехал затем, чтобы заработать на свадьбу. Когда женился, я первое время ничего не знала, его мать мне не стала сообщать. Потом приехал из Москвы наш общий знакомый, сказал, что Алеша теперь женат и вряд ли вернется.

Она поджала пухлую нижнюю губу. Было видно, что молодую женщину до сих пор гложет старая обида.

– Я не удивилась, – с деланным безразличием продолжала она. – Почти все парни, которые едут в Москву на заработки, меняются... Кто пить начинает, кто вообще не возвращается... Я решила – пускай, бог с ним. Значит, не любил. Стала встречаться с другим... А потом он прислал письмо.

– Письмо у вас?

– Да его давно забрали – еще когда начинали его искать. Оно в милиции.

Из дома послышался крик ребенка, и молодая мать поторопилась распрощаться с незваными гостями.

Письмо нашлось в деле. Обратный адрес был указан не тот, где был прописан Алексей, а тот, где временно проживали молодожены. Становилось ясно, что Юлия Чистякова почему-то избегала жить вместе с отцом в те периоды, когда выходила замуж. Благодаря этому ее отец почти не знал ее пропавших мужей.

Алексей писал, что вся его жизнь изменилась и что, наверное, до невесты уже дошли слухи о свадьбе. Но пусть она не переживает – он вскоре собирается развестись и обязательно вернется к ней с заработанными деньгами. Пусть она только ждет его!

Письмо было написано за месяц до развода. О жене и о причинах женитьбы Алексей не обронил ни слова.

В обеих историях оказалось много общего, и на это нельзя было не обратить внимания. Оба первых мужа были иногородними. Оба приехали в Москву на заработки и каким-то образом познакомились с Юлией Чистяковой. Свадьбы были официальными, но не помпезными. Родных не звали, невеста с ними не знакомилась и в гости не приглашала. С нею даже по телефону никто не говорил. Оба раза были посланы на родину мужей свадебные фотографии. Оба раза Юлия Чистякова вынуждала мужей снять квартиру и переселялась к ним. Она не допускала, чтобы те жили у ее отца. Оба раза мужья переставали высылать домой деньги и практически рвали все семейные связи. И оба раза дело кончалось одинаково – развод, выписка на прежнее место жительства, исчезновение бывшего мужа.

И только третий брак кое-чем отличался от прежних. Во-первых, он продлился дольше всех – три года. Во-вторых, Рудников не разводился с женой и не выписывался из квартиры. И в-третьих, он не исчез без вести, а был убит.

* * *

Настя так и не сказала родителям о своем визите. После всего услышанного она глубоко засомневалась – а стоило ли, в самом деле, вникать в эту историю? Ей очень не понравилось все, что она узнала о покойной и ее отношениях с бывшими мужьями. Но если бы Насте стали известны факты, которыми сейчас занималось следствие, она бы точно зареклась приближаться к дому неподалеку от Яузских ворот. Девушка была не из пугливых, но и слепой смелостью тоже не отличалась.

– Мне кажется, она забывает, – шепталась мать с отцом. – И хорошо!

– Только бы в другой раз нашла кого-нибудь получше, – ворчал тот в ответ. – А то что-то ей не везет...

Но оба ошибались. Настя ничего не забывала и вовсе не собиралась искать нового кавалера. Смерть Николая не давала ей покоя. «Почему он бросил меня, если не любил жену и не хотел с ней жить? Ради кого? Зачем вернулся во Владивосток? И что случилось с теми первыми мужьями? Почему она повесилась, да еще в таком странном месте?»

Ответов не было – как не было их ни у кого. И в следующие выходные Настя снова собралась в путь. На этот раз родители вели себя куда спокойней. Они начинали думать, что у дочки появился новый ухажер. Раньше она меняла их часто, и они успели к этому привыкнуть. Но Настя собиралась встретиться с мужчиной, который никоим образом не годился ей в кавалеры – ни по возрасту, ни по здоровью.

* * *

– Опять ты? – удивился тот, впуская гостью. – Забыла что-то?
– Вам трубы починили?
– Да уж, – недовольно ответил он. – Еле дождался. И содрали – не дай бог... Плохо быть старым!

Это заявление мало вязалось с предыдущими словами, но Настя поняла. Ей и самой было немного жаль этого человека – явно больного, а теперь и совсем одинокого.

– Знаете, – она остановилась посреди прихожей, не решаясь идти дальше, – когда я была в ЖЭКе, сантехники говорили такие странные вещи... Про вашу дочь.

Тот ошетинился:

– Кто-кто? Сантехники? А что они могут знать?
– Они сказали, что ваша дочь убивала всех своих мужей.
– Сволочи, – с ненавистью ответил хозяин. – Так я и знал, что все языками треплют! Ну что за народ? Какое им дело? Посмотрели бы на себя!

– Вы не волнуйтесь, – Настя уже жалела, что сказала такое. – Я им не поверила.

– Зачем же пришла?

– Хотела кое-что узнать...

– Мало тебе?

– Мало, – прямо ответила девушка. Она понемногу набралась храбрости и почувствовала себя уверенней. И кого ей было бояться?

– Тогда пойдем, – и он снова провел ее в комнату, где раньше жила его загадочная дочь.

Здесь ничего не изменилось. Тот же беспорядок, та же «мышь» на полу у стола, та же сохнувшая в горшке драцена.

– А я ее и не буду поливать, – с какой-то странной злостью заявил хозяин, перехватив неодобрительный взгляд гостьи. – Кому она теперь нужна? Хотя если желаешь – бери ее себе!

Предложение было неожиданным и даже напугало девушку. Она забормотала что-то, а потом задумалась. Почему бы нет? Драцену жалко, а она цветы любит... Договориться о перевозке можно всегда – шофер у нее на работе согласится помочь. Молодой симпатичный парень, Настя ему явно нравится... В былые времена она бы прямо указала на него пальцем, если бы ее спросили, кто будет следующим избранником. Но не сейчас...

– Ладно, – смущенно ответила она. – Заберу. Но я не ради драцены пришла.

И пояснила свою мысль. И прежде всего сказала, что, конечно, она не следователь и ничего насчет смерти Николая выяснить не сможет, тем более что для того потребуются ехать во Владивосток...

– Но зато я могла бы что-нибудь узнать о вашей дочери, – сказала Настя. – Мне кажется, их смерти связаны... Их убил кто-то один. Тот мужчина, чей фоторобот вам показывали. Помните, вы говорили о нем?

Старик нащупал спинку ближайшего стула и осторожно присел. Он не сводил с Насти изумленного взгляда.

– Ты с ума сошла, деточка? – прошептал он наконец. – Ты собираешься искать того, кто убил мою дочь?

– Кто довел ее до самоубийства, – уточнила Настя. – Да! И начну с кафе, если вы мне сможете узнать, где оно.

– Милочка, – он потер ладонью небритую щеку, раздался сухой хруст седой щетины. – Что же ты придумала? Неужели считаешь, что если бы милиция могла, она бы уже не нашла его? Да это кафе вывернули шиворот-навыворот.

– Вы уверены? – упрямо ответила Настя. – А я еще раз попробую. Где оно?

– Послушай, – он все еще не сводил с нее потрясенного взгляда. – Ты всерьез полагаешь, что справишься?

– А вдруг?

– Да ты совсем дурочка, – он только развел руками. – Как тебя зовут-то?

Девушка засмеялась и представилась. Мужчина тоже назвал. Его звали Федором Михайловичем. «Как Достоевского», – зачем-то уточнил он.

– Вы все время упоминаете каких-то писателей, – заметила Настя. – В прошлый раз вот Пушкина цитировали.

– Я учитель литературы, – пояснил тот. – Бывший, правда. У меня и дочь педагогический закончила. Значит, любишь читать?

И неожиданно добавил:

– Только ничего у тебя не выйдет. И адреса я тебе не скажу – только грех на совесть возьму. А вдруг ты в самом деле найдешь того типа? С тобой что-нибудь случится... Что мне тогда – в монастырь идти – грехи замаливать? Нет, детка, иди-ка ты к папе с мамой! Бери на память эту пальму и – прощай!

Настя очень обиделась.

– Вы со мной говорите как с ребенком, – заявила она. – А я давно уже взрослая. И какие там грехи? Откуда вы взяли, что меня кто-нибудь будет убивать? Что с меня взять?

– Вот навязалась, – невежливо заметил тот. – Ну, сама посуди – как ты поведешь дело? Придешь туда, начнешь расспрашивать персонал? Так их сто лет назад расспросили. Или будешь там сидеть и ждать, когда тот парень опять явится? Ты его даже не узнаешь. Да и денег тебе не хватит, чтобы высидеть там несколько вечеров!

– Все-таки назовите адрес, – упрячилась Настя. – Хотя бы название скажите!

– Да чтоб тебя! – окончательно вышел из себя Федор Михайлович. – Получай!

И Настя старательно записала адрес и название кафе. На самом деле она и сама еще точно не знала, как будет действовать и будет ли вообще. Но ей не давала покоя сцена, описанная этим человеком: его дочь сидит за столом с каким-то мужчиной, а затем, оставив записку, выходит в туалет и вешается там... Невероятно? Но это было. А двенадцать дней спустя погибает Николай.

«В любом случае нужно начинать с кафе, – решила девушка, уходя из гостей. – Началось все, наверное, не там, но другого-то места нет!»

* * *

Она отправилась в кафе тем же вечером. В зале было людно, однако Настя высмотрела свободный столик, на котором еще не просохли следы от мокрой тряпки. Девушка уселась, оглядела коричневые стены, нахмурилась, втянув довольно отчетливый запах хлорки. Настя предпочитала другие заведения – те, где было чисто, весело и очень светло. Например, «Макдональдс». Ее кавалеры не слишком охотно водили ее по более дорогим ресторанам.

Подошла пожилая официантка, положила на стол меню и тут же удалилась. Настя оценила ее усталую походку и подумала, что эта женщина даже не пытается казаться приветливой. Прочла названия блюд, задумалась о состоянии своего кошелька и решила, что есть ничего не будет.

– Мне пива и соломку, – попросила она, когда официантка вернулась. – Ой! Что это!

Она почувствовала, как по ее голой щиколотке скользнуло нечто холодное, влажное, и страшно напугалась. Заглянув под стол, девушка обнаружила там русского спаниеля. Тот сидел у ее ног и приветливо улыбался, глядя прямо ей в глаза.

– Котик? – удивилась официантка. – Надо же, пришел в себя! Он уже давно ни к кому не подходит, с тех пор как...

И осеклась. Через несколько минут Настя получила свой нехитрый заказ, расплатилась и стала украдкой оглядывать посетителей. Парочка, парочка, еще парочка... А вот большая компания подвыпивших молодых людей – явно студентов, потому что до нее доносились обрывки их фраз насчет какого-то экзамена и вечеринки... Девушке вдруг стало грустно. В такой теплый, нежный летний вечер ей тоже хотелось бы сидеть здесь вдвоем с любимым человеком или с друзьями. Пить, веселиться, говорить глупости, о чем-нибудь мечтать... Не думать ни о смертях, ни о загадках.

– Тебя зовут Котик? – обратилась она к собаке, которая по-прежнему сидела у ее ног – будто несла вахту. – Вот имечко для собаки! Ты мальчик или девочка?

– Он кобель, – внезапно ответили ей.

Рядом стояла барменша. Она уперла руки в бедра с удивлением рассматривала пса.

– Ну и ну, – сказала женщина, покачивая головой. – В самом деле очнулся.

– А что с ним было?

– Да так, пережил стресс. А раньше всегда подходил к посетителям. У него тут свои любимчики были, среди постоянных. Но после того – вот уже второй месяц ни к кому не подходит.

Настя сперва не понимала, о чем речь, да и спаниель ее не интересовал. Она относилась к собакам спокойно и предпочитала кошек. Но тут... «Второй месяц после чего? Стоп-стоп! Она говорит о самоубийстве Чистяковой?»

– Извините, – спросила она, понизив голос. Ей не хотелось, чтобы ее подслушали. – Это вы говорите о той женщине, которая повесилась в туалете?

Барменша заметно изменилась в лице.

– А вы откуда знаете? – недовольно спросила она. – Вы, кажется, у нас тут не бывали?

– Никогда. Но про этот случай слышала.

– Да уж, – проворчала барменша. – Слухами земля полнится... Удружила нас эта дамочка, нечего сказать. Многие постоянные клиенты перестали ходить. Не нравится им в этот туалет заглядывать. Мы уже и ремонт сделали, сменили сантехнику, кафель... Все равно – только и речи, что про этот проклятый туалет!

– Да, странная история, – согласилась Настя. – Как может человек повеситься без всякой причины!

– Значит, причина была, – заметила та. – Одно я точно знаю – тут она ничего не пила и не ела. Больше ничего.

– Ну а мужчина? Мужчина, который с нею был? – подалась вперед Настя.

– Вы и про него слышали? – барменша разглядывала ее со все большим неудовольствием. – А что – мужчина? Посидел, поел и пошел себе. Ладно, приятного аппетита.

И, резко вильнув массивными бедрами, вернулась за стойку. Настя с сожалением смотрела ей вслед. «Напрасно я так нажимала... С места в карьер ничего не узнаешь. Она то ли испугалась, то ли обиделась, а я показала, что многое знаю об этом деле. Может быть, она подумала, что я из милиции? Я задаю слишком много вопросов, и все некстати...»

Собака снова провела носом по ее ноге, и девушка улыбнулась:

– Значит, ты – Котик? Запомним. Ты тут живешь?

И уже протянула руку, чтобы почесать пса за ухом, как вдруг услышала низкий женский голос:

– Осторожнее, может, он заразный.

Настя обернулась. К ней обращалась женщина, сидевшая за соседним столиком. Когда послышался голос, девушке представилось, что его обладательнице лет за сорок, но женщина оказалась куда моложе.

На вид ей было лет тридцать. Розовый костюм классического покроя, серый легкий шарфик, аккуратно подкрашенное круглое лицо. Тщательно уложенные русые волосы, очки в тонкой оправе. Она походила на бухгалтера или менеджера среднего звена, во всяком случае такая мысль сразу являлась при взгляде на нее. С одной лишь разницей – женщина была пьяна, и пьяна сильно.

– Заразный? – переспросила Настя.

– Конечно, он же бездомный. – И женщина в розовом костюме почему-то отряхнула руки, хотя пса даже не касалась. – Он ошивается в этом заведении, а на самом деле хозяина у него нет.

– Вот как, – Настя сказала это, чтобы хоть что-нибудь сказать. Соседка не внушила ей симпатии, и девушка мысленно строила планы – как избавиться от ее участия? Но та, казалось, была склонна поговорить. Она притянула к себе тяжелую кружку с пивом, и при этом несколько капель упало на ее безупречную юбку прямого покроя.

– Ты не трогай этого пса, – с трудом продолжала женщина. Насте не понравилось, что к ней обратились сразу на «ты», но она ничего не ответила. – Я-то его знаю!

Котик замер под столом, и девушка ощущала только живое трепетное тепло возле своей ноги. Внезапно ей захотелось приласкать эту собаку – назло пьяной соседке, – а может, увести спаниеля домой. Пусть живет у нее!

– Он сюда явился при мне, два года назад, – продолжала та. – Я сразу подумала, что с ним дело неладно. Станный какой-то!

– Обычная собака, – возразила Настя. – И очень красивая...

– Ненавижу собак, – и бухгалтерша (так Настя ее мысленно окрестила) сощурила один глаз. Наверное, она хотела придать лицу многозначительное выражение, но для девушки это означало одно – женщина вдребезги пьяна.

– Он все время лезет к людям, – продолжала та, – ложится под стол, лижется! А может, у него блохи? А когда повесилась та женщина, он так выл, что я думала, у него бешенство началось! Причем завыл он еще до того, как та заперлась в туалете!

И, отхлебнув пива, добавила:

– А может, он всегда был бешеный!

– Вы были здесь, когда она повесилась? – с живым интересом перебила Настя. Ради каких-то сведений о том вечере она была готова стерпеть даже неприятные манеры собеседницы. – Вы все видели?

– Я сидела вот тут, а она – на твоём месте, – указала та.

Настя поежилась. Странно – она никогда не была суеверна, не верила ни в привидения, ни в предсказания – в отличие от своей матери... Но сейчас ее как будто обдало ледяным ветром. Она сидит на стуле покойницы. На том самом месте, с которого поднялась и ушла на смерть эта загадочная Юлия Федоровна, о которой никто ничего толком не знал...

– А мужчина, который был с нею? – с трудом вымолвила она.

– Напротив тебя. Симпатичный, – оживилась та. – Я еще подумала – что он водится с такой ободранной крысой? Потом решила – сослуживцы.

– Они говорили о работе?

Настя даже возгордилась – она, как настоящий следователь, сумела задать наводящий вопрос, не вызвав подозрений. Пьяная соседка качнула головой.

– Нет. Они вообще молчали. Я даже удивилась – сколько можно сидеть вот так молча, глядеть в окно? Чужие даже себя так не ведут, а эти явно были вместе.

– А почему... – Насте вдруг пришла в голову ослепительная идея. Она заворочалась на стуле. – Почему вы решили, что они вместе? А может, они пришли по отдельности?

В самом деле – почему? Почему все, бывшие в кафе, включая наблюдательную барменшу, решили, что мужчина и женщина чем-то связаны? Ведь они молчали, не сказали ни слова!

– Во-первых, он расплатился по общему счету, – заметила та. – Уж я-то была тут до конца, все видела и слышала. А во-вторых, иногда люди так интересно молчат, что сразу все ясно.

Настя поджала губы. Верно – в последнее время перед своим отъездом Николай молчал так выразительно, что она даже боялась с ним заговорить. У него было что-то на душе, что-то тяжелое, дурное... А она не умела спросить, не могла. Предпочитала спрятать голову в песок, как страус...

– Вы сюда ходите постоянно, – продолжала девушка. – Может, вы их раньше видели?

Она старалась вести себя осторожно, но в то же время сознавала, что предосторожности излишни – ее собеседница становилась все пьянее. Настя недоумевала: каким образом та рассчитывает попасть домой? На своих двоих или на такси?

– Его – никогда, я бы запомнила, – решительно отвечала та, раскачиваясь на сиденьи. Казалось, под нею был не смирный железный стул, а резвый тexasский жеребец, которого надо изо всех сил сжимать бедрами и давать ему шпоры, чтобы удержаться в седле. – А ее – да!

И это «да» женщина произнесла так выразительно, что едва не упала. Настя успела поддержать ее за локоть. «Лучше бы она видела его, а не ее, – пронеслось в голове у девушки. – Про нее-то я все знаю».

– Мне нехорошо, – сообщила ее собеседница, тщетно пытаясь встать. – Где туалет?

Она забыла направление, несмотря на свои заверения в том, что является постоянной клиенткой. Настя растерянно глянула на барменшу. Та кивнула. Рая давно уже наблюдала за разговорившейся парочкой и была очень недовольна тем, что эти двое сблизилась. Она отлично знала, о чем те могут говорить. Излишне осведомленная, хотя совершенно незнакомая девушка могла спрашивать только о самоубийстве. А эта пьяная бухгалтерша из соседнего магазина (Настя верно определила ее профессию) была тут в тот самый вечер и многое может порассказать. Кроме того, бухгалтерша терпеть не могла Котика и не раз, напившись, высказывалась в том роде, что собаке, особенно бродячей, в кафе не место, что это антисанитария и – вот увидите – она обязательно вызовет санэпиднадзор! И конечно, Рая терпеть ее не могла и обслуживала поскольку постольку...

– Опять вы, – укоризненно сказала она, подходя к столику и помогая женщине подняться. – Каждую неделю такое! Пойдемте!

И, отведя клиентку в туалет, плотно прикрыла за нею дверь. Настя следовала за ними – не помогая, но чувствуя какую-то ответственность. Она не могла просто остаться за столом. Рая взглянула на нее:

– Замучилась с ней. Однажды, когда уходила, уснула в кустах, в сквере, сумку потеряла. Потом ходила к нам, требовала ее обратно. А еще раз... – Она прислушалась к звукам за дверью и кивнула: – Ну вот, теперь ей станет легче.

– Почему она так напивается?

– Кто знает? Одинокая...

– Она вроде ничего, – осмелилась высказать свое суждение девушка.

– Ничего-то ничего, но всегда приходит одна. А ходит сюда уже не первый год.

– И не любит собак, – как бы про себя заметила девушка. – Да, наверное, она совсем одинока. Разве только у нее кошка?

– Да таким ничего не нужно – ни котенка, ни ребенка, – раздражительно оборвала барменша, распахивая наконец дверь: – Ну все, теперь умывайся и уходи! Не хватало еще, чтобы ты заснула тут!

Та и в самом деле казалась уснувшей. Женщина сидела на кафельном полу, машинально оправляя задравшуюся юбку. Рая сжала губы в ниточку:

– Послушай, вызвать милицию? Захотела в вытрезвитель? Стыдно! У нас студенты так себя не ведут! Не умеешь пить – не пей!

– Погодите, – вмешалась Настя. Ей почему-то стало жаль эту прилично одетую, накрашенную, пьяную и совершенно несчастную женщину. – Так нельзя. Ее нужно проводить домой.

– Кто проводит-то? – обернулась Рая.

– Ну, я, если только она живет недалеко...

– Вот как? – Барменша секунду постояла с поднятой бровью, затем ухмыльнулась: – Впервые вижу, что ее кто-то хочет проводить. Ладно, поможем встать.

И они подняли бухгалтершу, вывели ее из кафе, а там она попала под попечительство Насти.

– Где вы живете? – спрашивала девушка, в ужасе думая, что в погоне за уликами она забыла о главном – как ей дотащить до дома эту вдребезги пьяную женщину? А вдруг та живет на другом конце Москвы?

– Тут, – ответила та, показывая на дом в конце улицы.

– Так близко? – обрадовалась Настя и повела ее в указанном направлении. Действительно, женщина сумела набрать код на подъезде, вошла туда, даже не обернувшись, не попрощавшись и не поблагодарив свою добровольную помощницу. Настя не обиделась. Она видела – та была слишком пьяна для того, чтобы заметить, кто ее сопровождает и сопровождает ли вообще кто-то. Она улыбнулась и пошла к метро, раздумывая по дороге, что как бы близко ты не жил от кафе, все равно нельзя напиваться до такого состояния и позориться перед окружающими, да еще доставлять им массу проблем. Еще подумала, что никогда в жизни не сумела бы стать барменшей. Возиться с пьяными? Ну нет.

Тут ее ноги коснулось что-то мокрое и холодное. Настя опустила глаза и с изумлением обнаружила, что Котик, весело потряхивая ушами, все это время следовал за ней – след в след.

Глава 5

– Эй, ты что? – остановилась она. – Иди обратно! Иди, откуда пришел!

Но пес, подняв карие глаза, заулыбался, приоткрыв жаркую пасть. Настя растерялась.

– Или ты погулять пошел? – спросила она, разумеется, не подозревая о том, что Котик никогда в своих прогулках не уходил так далеко от кафе. – Тогда ладно... Идем.

И собака потрусил за ней, время от времени приветливо тыкая ее мокрым носом под коленку. Настя посмеивалась: «Милая псина! Чья же она, интересно? Наверное, выгнали, бросили, или просто потерялась... Вот – устроилась на работу в кафе. Забавные все-таки бывают собаки!»

Но подходя к метро, она убедилась, что пес серьезно решил следовать за нею. Это начало ее беспокоить. Девушка остановилась и грозно заявила:

– Домой! Слышишь, домой!

Котик ухом не повел. Он смотрел на нее с прежним добродушно-покорным выражением и слегка повиливал обрубок хвоста.

– Как хочешь, – бросила Настя и вошла в вестибюль. Она нарочно не оглядывалась, проходя через турникет, вступая на эскалатор, берясь за поручень... Но пес следовал за нею – это она поняла по возмущенным возгласам контролерши: «Чья собака? Чья собака?» «Идет за мной, – поняла Настя. – Навязался на мою голову! Что же теперь с ним делать? Сперва эта пьяная дамочка, потом спаниель... Ведь он обязательно потеряется, не найдет дороги в кафе! Нужно вернуться!»

За сегодняшний день она очень устала, выпитое в кафе пиво кружило голову, и Настя была готова поддаться внутреннему голосу, который говорил, что ей вовсе не нужно заниматься пьяными бухгалтершами и брошенными собаками, и даже... «И даже Николаем, – сказала она себе, сходя с эскалатора. – Даже им. До чего же я так дойду? В конце концов, прошлого уже не вернешь. Он умер, и я не виновата в этом. Жизнь продолжается. Чем я занимаюсь? Разве у меня нет своих дел? Вот, например, работа – там я не прижилась. Нужно искать другую. Значит – что? Интернет, газеты, звонки... И личная жизнь тоже нужна – нельзя же без нее. Нужно думать о себе, а не о...»

Девушка остановилась на платформе, и собака, все это время бегущая следом, уселась у ее ног. Настя вздохнула:

– Ты рассчитываешь, что я возьму тебя домой? Даже не думай! У нас никогда не было собаки!

Собак в ее семье в самом деле не держали. Бывали кошки, но как-то неудачно – ни одна не заживалась долго, все удирали на улицу, как только начинало пахнуть весной, и уже не возвращались.

– Я тебя не возьму, – строго предупредила Настя и вошла в вагон подъехавшей электрички. Пес невозмутимо последовал за ней.

Котик не отставал ни на шаг. Ни него не подействовали ни просьбы, ни угрозы, ни даже топанье ногой – Настя вконец отчаялась, когда обнаружила себя перед дверью родительской квартиры вместе с собакой. Но что было делать? Она нажала кнопку звонка и на удивленный взгляд матери ответила:

– Он у нас переночует.

Так она когда-то представила своего очередного парня, за которого рассчитывала выйти замуж. И только потом назвала имя – как и сейчас.

– Его зовут Котик.

Настя сбрасывала туфли и на шаривала босыми ногами тапочки, а ее мать тем временем разглядывала собаку. Спаниель уселся посреди прихожей и всеми силами души демонстриро-

вал дружелюбие – улыбался, заглядывал в глаза и, казалось, вот-вот собирался начать любезный разговор. Наконец женщина развела руками:

– Этого не хватало... Где ты его нашла?

– В кафе привязался.

– В кафе? Ты с кем-то была в кафе? – оживилась мать. Но дочка разочаровала ее, сообщив, что пила пиво в совершенном одиночестве. Она знала, что родители очень не прочь увидеть рядом с ней нового кавалера, и это почему-то раздражало девушку. «В конце концов, я не обязана все время быть с кем-то! – сказала она себе впервые в жизни и сама удивилась этой мысли. Звучало как-то непривычно... Даже крамольно! – Иногда я могу побыть одна!»

– Ничего себе собачка, – неожиданно сказала мать, присаживаясь на корточки и глядя шелковистую шерсть спаниеля. – Породистая... В ошейнике. Наверное, потерялась?

– Два года назад.

Настя приняла душ и завалилась в своей комнате на постель. Глаза слипались, но спать не хотелось. На душе было тревожно. «Что я узнала – ничего! Единственный выход – опять подкараулить ту пьяную бухгалтершу и расспросить, когда и с кем она видела Юлию. Но что это даст? Мало ли с кем человек ходит в кафе? Того мужчину она раньше не видела, а вот он-то мне и нужен. В самом деле – создается впечатление, что он сбежал сознательно, предчувствуя самоубийство...»

Дверь приоткрылась, в сумраке мелькнула полоса света, в ней появился силуэт собаки. Котик стоял на пороге и явно смотрел на Настю.

– Иди сюда, – она указала на коврик рядом с постелью, где ставила тапочки. – Место, место!

Пес послушался и улегся – прямо на тапки. Несколько раз вздохнул – выразительно, тяжело, как человек, перенесший большое горе. И больше Настя его не слышала до самого утра.

* * *

– Проспала! – девушка вскочила и торопливо принялась одеваться. Попутно она кричала в приоткрытую дверь: – Мама, кофе! Мама, почему меня никто не разбудил?!

– Да ты же сама... – Мать, позевывая, появилась в дверях в ночной рубашке. – Сама не завела будильник!

– А, черт!

Девушка едва не наступила на пса, который продолжал занимать позицию перед постелью. Настя уже успела забыть, что вечером притащила домой бродячую собаку.

– И еще этот! – простонала она, торопливо раздирая щеткой свалявшиеся за ночь волосы. – Мам, погуляй с ним!

Она полагала, что услышит в ответ строгий выговор на тему: нечего заводить домашних животных, если у тебя нет ни времени, ни ответственности. Но мать неожиданно согласилась:

– Ладно, только кофе сварить сама.

Настя обошлась без кофе. Она второпях проглотила мандарин и, еще дожевывая его, бросилась вниз по лестнице. Во дворе гуляли мама с Котиком. Пес был без поводка, но гулял чинно, скромно, с большим интересом обнюхивая незнакомые кусты. Увидев Настю, оживился и кинулся было к ней, но девушка отмахнулась:

– Отстань!

И пес в самом деле отстал.

На работе она сразу бросилась к компьютеру и сделала вид, что уже давно работает. Настя опоздала минут на сорок, это считалось серьезным преступлением. Хотя сама девушка была недовольна и зарплатой, и коллективом, но все же предпочитала уходить с любой службы добровольно. Увольнения унижали. Она распечатала нужные бумаги, порылась в ящиках, нахму-

рилась, выслушав выговор начальницы... Зашла в Интернет, сбросив туда объявление о том, что «девушка 23 лет, имеющая пятилетний стаж работы в офисе, ищет должность секретаря-референта или менеджера, с перспективой карьерного роста». Призадумавшись, указала желаемую ставку. В сущности, она никогда так и не получала тех зарплат, на которые рассчитывала, но считала своим долгом не продавать свой труд задешево. «Ведь я хорошо работаю, – убеждала себя Настя. – Пусть и платят хорошо!»

Но что бы она в тот день ни делала, с кем бы ни общалась – все время почему-то думала о спаниеле. Как он там? Не обидел ли его кто? Нет, только не мама: та – добрая душа, всех жалеет, ко всем снисходительна. Папа, кажется, был недоволен появлением собаки, но и он не тронет пса. Так кто же мог обидеть Котика, так неожиданно ворвавшегося в ее жизнь? Она поймала себя на мысли, что скучает по собаке, и удивилась.

В обеденный перерыв Настя выбежала на улицу, чтобы купить в соседнем магазине пирожок. Молодой парень-шофер перекуривал возле своей «газели». В ней он обычно развозил по адресам рекламные листовки и проспекты. Фирма занималась заказной полиграфией. Настя поздоровалась с шофером, отметив, кстати, что тот рад ее видеть. «Он ничего, но после Коли...»

– Ты сегодня весь день носишься, – заметил парень, выкидывая сигарету.

– Заметил? Я проспала, – Настя понизила голос, подходя к нему ближе. – Кажется, начальство не просекло, но ты, конечно, никому не говори!

Тот даже обиделся:

– Я на тебя стучать буду? Ладно...

– Понимаешь, – Настя огляделась по сторонам, – вчера ко мне привязалась собака. Я взяла ее домой и вот из-за нее опоздала...

– А что за собака?

– Спаниель. Кажется, настоящий русский спаниель.

– Отлично! – оживился парень. То был высокий, несколько угловатый симпатичный блондин. Он усвоил некую небрежную манеру, которая как будто показывала: «Я рубаха-парень, со мной все просто и легко!» Но Настя, успевшая не понаслышке познакомиться с мужской психологией, уже не раз думала о том, что этот «рубаха-парень» может на самом деле оказаться сущим слизняком. Иногда мужчины так любят маскировать свои слабости и комплексы под маской самоуверенности... «Мужчины вырождаются, наступает век матриархата!» – так сказал ей один из мужчин, который ее бросил. Хотя в том, что они расстались, не были виновны ни век матриархата, ни сама Настя, которая смутно представляла себе, что значит это слово.

– Я обожаю собак, – признался Антон, закуривая другую сигарету. Он держался так вальяжно, небрежно – ну прямо ковбой, на секунду соскочивший с коня. – У меня у самого была собака, такса.

Последнее слово Настю ошеломило, и она невольно рассмеялась. Эта порода как-то не вязалась с крутым видом Антона.

– Что ты смеешься? – обиделся он. Но обида тоже выглядела какой-то деланной. Вся его мимика, все жесты казались какими-то театральными, так что Настя задавала себе вопрос – может, ему самое место в театре?

– Это была такая такса, что она бы любой овчарке дала фору!

– Чего бы дала? – Настя продолжала смеяться.

– Фору! Ну, сделала бы ее!

Девушка вытирала выступившие слезы. Этот парень ее насмешил – а еще минуту назад она бы не поверила, что сумеет смеяться.

– Куда же делась эта твоя такса? – спросила она, пытаясь казаться серьезной.

– Подохла.

Этот лаконичный ответ моментально привел ее в себя.

– Отчего?

– Объелась.

Настя снова чуть не рассмеялась, но все-таки сумела взять себя в руки. В самом деле смешно – такса объелась и оттого умерла... Но с другой стороны – со стороны того, кто ее любил, – это трагедия.

– Как же это вышло?

Они с Антоном впервые говорили так доверительно и просто. До сих пор все их разговоры выглядели как банальные заигрывания.

– Понимаешь, – сказал тот, давая окурочек подошвой, – жена испекла торт. Мы ждали в гости тестя и тещу... А собака всегда предупреждала нас, когда они приходили. Чувала издали – еще на лестнице. И вот на столе стоит торт, а такса – Милка – вдруг как залает! Мы с женой побежали открывать. Стоим, ждем – никого. То есть ложная тревога. Вернулись в комнату, а Милка стоит на столе и жрет торт. Причем жрет из серединки, представь себе... Чтобы другим не досталось. До чего умная была собака!

И он вздохнул.

– Ну, мы и отдали ей весь торт, раз она все равно его испоганила. Наверное, такой у нее и был расчет. Теща и тесть потом сильно обиделись.

– Постой, – Настя окончательно расхотела смеяться. – Ты никогда не говорил, что был женат.

– А я сейчас и не женат. Развелся.

– Из-за торта?!

– Нет. Так.

Он вновь стал предельно лаконичен. Настя задумалась. Ее тревожили какие-то странные мысли, которым она никак не могла придать форму.

– А отчего умерла такса?

– Говорю же – от несварения желудка. Зря мы ей отдали торт.

– Да, зря... – машинально подтвердила девушка. – А скажи, она издали чувала, когда придут твои тесть с тещей?

– Да за полчаса!

– А собаки могут чують чью-то смерть?

Этот вопрос поставил парня в тупик. Он явно собирался поговорить на более веселые темы.

– Конечно, могут, – сказал он наконец. – Они воют, когда кто-то умирает.

– А перед этим?

– Вот не знаю! – И неожиданно предложил: – Давай сходим куда-нибудь?

Настя неопределенно улыбнулась. Антон ей нравился. Хороший парень, добрый взгляд, но чего-то ей в нем не хватало. «Не хватает Коли, – сказала она себе. – Коля был тем, кто мне нужен. А этот просто очередной... Мне это надоело!»

– Не знаю, – ответила она наконец. Обеденный перерыв кончился, и ее планы насчет покупки булочки рухнули. Значит, остаток рабочего дня она просидит голодная.

– Я бы взял билеты в кино, – предлагал Антон. Вероятно, он решил, что девушка набивает себе цену. – Как раз пошли новые фильмы. Я вчера смотрел программу...

– Не в том дело, – остановила его Настя. – Мне хочется чего-то другого.

– Чего? – испугался тот. И тут же смущенно пояснил: – Ты сама знаешь, сколько я получаю. На ночной клуб не хватит!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.